

РУССКІЙ

Русс 143

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ЧАСТЬ IV. — ТЕТРАДЬ V.

ВОСПОМИНАНІЯ

КНЯЗЯ ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВИЧА ОБОЛЕНСКАГО.

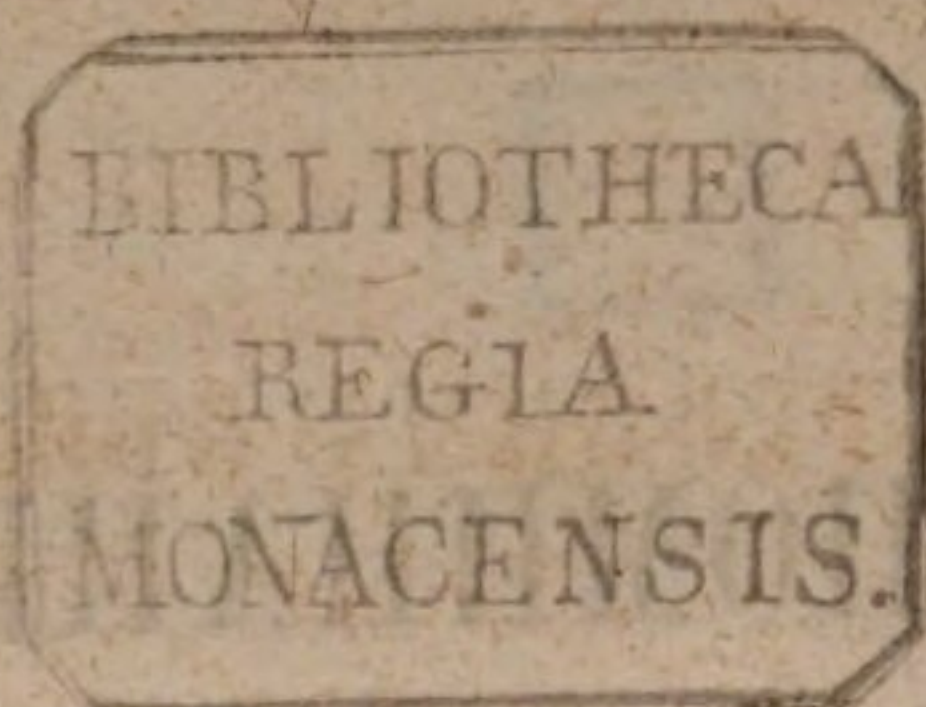
(Souvenirs du Prince Eugène Obolenski.)

LEIPZIG,

A. Franck'sche Verlags-Buchhandlung.
(Herold & Lindner).

1861.

Librairie A. Franck, 67, rue de Richelieu, Paris.

ВОСПОМИНАНІЯ

КНЯЗЯ ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВИЧА ОБОЛЕНСКАГО.

BOEING COMPANY

REPAIRS AND MAINTENANCE

Воспоминанія

Князя Евгенія Петровича Оболенскаго.

Начало моего знакомства съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ Рылѣевымъ было началомъ искренней, горячей къ нему дружбы. Навѣрное не помню, по кажется мнѣ — это было въ 1822 году, т. е. послѣ возвращенія гвардейскаго корпуса изъ Бѣшенковичей, т. е. послѣ предполагаемаго похода за границу противъ революціонныхъ движеній въ Италіи. Рылѣевъ въ то время только что издалъ Войнаровскаго, и готовилъ къ печати свои Думы. Имя его было извѣстно между литераторами, а свободолюбивое направленіе его мыслей обратило на него вниманіе членовъ тайнаго общества. Иванъ Ивановичъ Пущинъ первый, кажется, познакомился съ нимъ и, по разрѣшенію верховной думы, принялъ его въ число членовъ общества. Сблизившись съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ съ первыхъ дней знакомства, не могу не сказать, что я ввѣрился ему всѣмъ сердцемъ, и нашелъ въ немъ ту взаимную довѣренность, которая такъ драгоцѣнна во всякомъ возрастѣ человѣческомъ, но наиболѣе цѣнится во дни молодости, гдѣ силы души ищутъ простора, ищутъ обширнѣйшаго круга дѣятельности. Это стремленіе удовлетворялось отчасти вступленіемъ въ члены тайнаго общества. *Союзъ благоденств-*

вѣн, такъ оно называлось, удовлетворялъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ тѣхъ, которые искали въ жизни не однихъ удовольствій, но истинной, нравственной пользы собственной и всѣхъ ближнихъ. Трудно было устоять противъ обаяній союза, котораго цѣль была: нравственное усовершенствованіе cadaго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ направленіе современнаго общества, посредствомъ личнаго дѣйствія cadaго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. Въ дали туманной, недосыгаемой, виднѣлась окончательная цѣль — политическое преобразованіе отечества, — когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа. Нетрудно было усвоить Рылѣеву всѣ эти начала, при его пылкой, поэтической душѣ и воспріимчивой натурѣ. Онъ съ перваго шага ринулся на открытое ему поприще, и всего себя отдалъ той высокой идеѣ, которую себѣ усвоилъ. —

Скажу нѣсколько словъ о его наружности и первоначальной службѣ. Роста онъ былъ средняго. Черты лица его составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась предъ другою. Волосы его были черные, слегка завитые; глаза темные, съ выраженіемъ думы, и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклоненная впередъ, при мѣрной поступи показывала, что мысль его всегда была занята тою внутреннею жизнію, которая, выражаясь въ вдохновенной пѣснѣ когда приходила минута вдохновенія, въ другія

времена искала осуществленія той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности.

Образованіе онъ получилъ въ 1мъ кадетскомъ корпусѣ, и началъ службу въ артиллеріи. Въ бесѣдахъ съ нимъ я слышалъ, что его молодость была бурная; но подробностей объ этомъ періодѣ его жизни я не слышалъ, и мнѣ не случалось даже быть знакомымъ съ его товарищами по службѣ въ этомъ періодѣ его жизни на военномъ поприщѣ. Онъ женился рано, по любви и, кажется, не съ полнымъ одобреніемъ его старушки-матери, Настасьи Ѳедоровны Рылѣвой, жившей въ малой деревушкѣ, въ 60 верстахъ отъ Петербурга, около села Рождествена. Жена его, Наталья Михайловна, любила его съ увлеченіемъ; маленькая дочь, Настинька, тогда еще четырехъ или пяти лѣтъ — маленькая, смугленькая и живая, одушевляла своимъ присутствіемъ его домашнюю жизнь. О его общественной служебной жизни я немного могу сказать. Сначала онъ служилъ засѣдателемъ въ Петербургской Уголовной Палатѣ, вмѣстѣ съ Ив. Ив. Пущинымъ, который промѣнялъ мундиръ конно-гвардейской артиллеріи на скромную службу, надѣясь, на этомъ поприщѣ, оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить и другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устранилось, предпочитая блестящія эполеты той пользѣ, которую оно могло бы принести, внося въ нисшія судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей, тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни, и на общественномъ поприщѣ; составляютъ надежную опору всѣмъ слабымъ и безпомощнымъ, всегда и вездѣ составляющимъ большинство, коего нужды и страданія едва слышны меньшинству богатыхъ и сильныхъ. Въ послѣдствіи Рылѣвъ перешелъ правителемъ дѣлъ въ Американскую Компанію, и занималъ скромную квартиру въ

домъ Компаніи. Какъ поэтъ, онъ пользовался знакомствомъ и дружбою многихъ литераторовъ того времени. У Николая Ивановича Греча собиралась въ то время, разъ въ недѣлю, вся литературная семья. Рылѣевъ былъ однимъ изъ постоянныхъ его собесѣдниковъ. Въ особенности былъ онъ друженъ съ Александромъ Александровичемъ Бестужевымъ, котораго, кажется, онъ и принялъ въ члены общества. Вмѣстѣ съ нимъ вступилъ также въ члены общества его братъ, Николай Александровичъ, и меньшій ихъ братъ Петръ, рано кончившій земное свое поприще. Александръ Бестужевъ тогда уже начиналъ литературное свое поприще повѣстями, которыя по живости слога обѣщали блестящее развитіе, въ послѣдствіи имъ такъ хорошо оправданное. Тутъ же должно вспомнить и Александра Осиповича Корниловича, офицера гвардейскаго генеральнаго штаба, который усердно и съ любовію трудился надъ памятниками Петровскаго времени, и изложилъ плоды своихъ трудовъ въ простомъ разсказѣ, возбудившемъ общее сочувствіе къ изложенному имъ предмету. И у Рылѣева собирались нерѣдко литераторы и многіе изъ близкихъ его знакомыхъ и друзей. Тутъ, кромѣ вышеименованныхъ, бывали: Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пущина по Лицею, Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкій, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій и многіе другіе, коихъ именъ не упомяну. Бесѣда была оживлена не всегда предметами чисто-литературными; нерѣдко она переходила на живые общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ, и скромнымъ своимъ обращеніемъ внушала общее къ себѣ уваженіе.

Его общественная дѣятельность по занимаемому имъ мѣсту правителя дѣлъ Американской Компаніи, заслуживала бы особеннаго разсмотрѣнія по той пользѣ, которую онъ принесъ Компаніи и своею дѣятельностію и безъ сомнѣнія болѣе существенными заслугами потому, что не прошло и двухъ лѣтъ, со времени вступленія его въ должность, правленіе компаніи выразило ему свою благодарность, подаривъ ему дорогую енотовую шубу, оцѣненную въ то время въ семьсотъ рублей.

Изъ воспоминаній того времени могу только вспомнить, что его сильно тревожила вынужденная, въ силу трактата съ Сѣверо-Американскимъ союзомъ, передача Сѣверо-Американцамъ основанной нами колоніи Россъ въ Калифорніи, которая могла быть для насъ твердой опорной точкой, для участія въ богатыхъ золотыхъ пріискахъ столь прославившихся въ послѣдствіи. По случаю этой важной для Американской Компаніи мѣры, Рылѣевъ, какъ правитель дѣлъ, вступилъ въ сношенія съ важными государственными сановниками, и въ послѣдствіи времени всегда пользовался ихъ расположеніемъ. Наиболѣе же благосклонности оказывали ему Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

Въ этомъ періодѣ времени, т. е. въ концѣ 1823 года или въ началѣ 1824 г., прибылъ въ Петербургъ Павелъ Ивановичъ Пестель, имѣвшій порученіе, отъ членовъ Южнаго Общества, войти въ сношенія съ членами Сѣвернаго, дабы условиться на счетъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ членовъ Союза: этотъ пріѣздъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Рылѣева. Здѣсь нужно обратить вниманіе на замѣчательную личность Павла Ивановича Пестеля. Не имѣвъ случая сблизиться съ нимъ, я могу только высказать впечатлѣніе, имъ на меня произведенное. Павелъ Ивановичъ былъ въ то время полковникомъ и начальникомъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Роста небольшого, съ пріятными чертами

лица, Павелъ Ивановичъ отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные, и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно-дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевные мысли. Въ Южномъ Обществѣ онъ пользовался общимъ довѣріемъ и былъ избранъ, съ самаго основанія общества, въ члены Верховной Думы. Его взглядъ на дѣйствія общества и настоящую цѣль онаго соотвѣтствовалъ его умственному направленію, которое требовало во всемъ ясности, опредѣленной цѣли, и дѣйствій, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. *Русская правда*, имъ написанная, составляла программу, имъ предлагаемую для политическаго государственнаго устройства. Цѣль его поѣздки въ Петербургъ состояла въ томъ, чтобы согласить Сѣверное Общество надѣйствія, сообразныя съ дѣйствіями Южнаго. Членами верховной думы въ Петербургѣ въ то время были: Трубецкій, Никита Михайловичъ Муравьевъ и я. На первомъ совѣщаніи съ нами, Павелъ Ивановичъ съ обычнымъ, увлекательнымъ даромъ слова, объяснилъ намъ, что неопредѣленность цѣли и средствъ къ достиженію оной давала обществу характеръ столь неопредѣленный, что дѣйствія каждаго члена отдѣльно терялись въ напрасныхъ усиліяхъ, между тѣмъ, какъ бывъ направлены къ опредѣленной и ясно признанной цѣли, могли бы служить къ скорѣйшему достиженію оной. Эта мысль была для насъ не новою: давно уже въ совѣщаніяхъ нашихъ она была обсуживаема и составляла предметъ думы каждаго изъ насъ, но не была еще облечена въ опредѣленную форму. Предложеніе Павла Ивановича представляло эту форму и было привлекательно, какъ плодъ долгихъ, личныхъ соображеній ума свѣтлаго и въ особенности украшеннаго его убѣдительнымъ даромъ слова. Трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ. Но при всемъ достоинствѣ его ума и убѣдитель-

ности слова, каждый изъ насъ чувствовалъ, что единожды принявъ предложеніе Павла Ивановича, каждый долженъ отказаться отъ собственнаго убѣжденія и, подчинившись ему, идти по пути, указанному имъ. — Кромѣ того мы не могли дать рѣшительнаго отвѣта, не предложивъ его сначала членамъ Общества, наиболѣе облеченнымъ довѣріемъ общимъ. Многіе изъ нихъ были въ отсутствіи, и потому мы отложили рѣшительный отвѣтъ до того времени, когда представится возможность сообщить предложеніе тѣмъ, которыхъ довѣренность насъ поставила на занимаемое нами мѣсто. Павелъ Ивановичъ, познакомившись чрезъ насъ съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ, сблизился съ нимъ и, открывъ ему свои задушевные мысли, привлекъ его къ собственному воззрѣнію на цѣль общества и на средства къ достиженію оной. Кажется, это сближеніе имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія политическія дѣйствія Рылѣева. Вскорѣ послѣ отъѣзда Пестеля, князь Трубецкій былъ назначенъ Дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ 5го пѣхотнаго корпуса, котораго главная квартира находилась въ Кіевѣ. На его мѣсто былъ избранъ членомъ Думы Кондратій Ѳедоровичъ.

Къ этому же времени, т. е. къ половинѣ 1824 года, должно отнести грустное событіе, къ коемъ Рылѣевъ принималъ участіе какъ свидѣтель, и которое грустно отзывалось въ обществѣ того времени. Это была — дуэль между офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Черновымъ и лейбъ-гв. гусарскаго Новосильцовымъ. Оба были юноши съ небольшимъ 20ти лѣтъ, но каждый изъ нихъ былъ поставленъ на двухъ, почти противоположныхъ, ступеняхъ общества. Новосильцовъ — потомокъ Орловыхъ, по богатству, родству и связямъ принадлежалъ къ высшей аристократіи. Черновъ, сынъ бѣдной помѣщицы Аграфены Ивановны Черновой, жившей вблизи села Рожествина въ маленькой своей деревушкѣ, принадлежалъ къ разряду

тѣхъ офицеровъ, которые, получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, выходятъ въ армію. Переводомъ своимъ въ гвардію онъ былъ обязанъ новому составу Л. Гв. Семеновскаго полка, въ который вошло по цѣлому баталіону изъ полковъ: Императора Австрійскаго, Короля Прусскаго и графа Аракчѣева. Между тѣмъ у Аграфены Ивановны Черновой была дочь замѣчательной красоты. Не помню, по какому случаю Новосильцовъ познакомился съ Аграфеной Ивановной, былъ пораженъ красотою ея дочери и, послѣ немногихъ недѣль знакомства, рѣшился просить ея руки. Согласіе матери и дочери было полное. Новосильцовъ и по личнымъ достоинствамъ, и по наружности, могъ и долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на дѣвицу, жившую вдали отъ высшаго, блестящаго круга. Получивъ согласіе ея матери, Новосильцовъ обращался съ дѣвицей Черновой, какъ съ нареченной невѣстой, ѣздилъ съ нею одинъ въ кабриолетѣ по ближайшимъ окрестностямъ, и въ обращеніи съ нею находился на той степени сближенія, которая допускается только жениху съ невѣстой. Въ порывѣ первыхъ дней любви и очарованія онъ забылъ, что у него есть мать, Екатерина Владиміровна, рожденная графиня Орлова, безъ согласія коей онъ не могъ и думать о женитьбѣ. Скоро однакожъ онъ опомнился, написалъ къ матери и, какъ можно было ожидать, получилъ рѣшительный отказъ и строгое приказаніе, немедленно прекратить всѣ сношенія съ невѣстой и ея семействомъ. Разочарованіе-ли въ любви или боязнь гнѣва матери, но только Новосильцовъ, по полученіи письма, не долго думалъ, простился съ невѣстой, съ обѣщаніемъ возвратиться скоро, и съ того времени прекратилъ съ нею всѣ сношенія. Кондратій Ѳедоровичъ былъ связанъ узами родства съ семействомъ Черновыхъ. Чрезъ брата невѣсты онъ зналъ всѣ отношенія Новосильцова къ его сестрѣ. Послѣ долгихъ ожиданій, въ на-

деждѣ, что Новосильцовъ обратится къ нареченной своей невѣстѣ, видя наконецъ что онъ совершенно её забылъ и видимо ею пренебрегаетъ, Черновъ, послѣ соглашенія съ Рылѣевымъ, обратился къ нему сначала письменно, а потомъ лично съ требованіемъ, чтобы Новосильцовъ объяснилъ причины своего поведенія въ отношеніи его сестры. Отвѣтъ сначала былъ уклончивый; потомъ съ обѣихъ сторонъ было сказано, можетъ быть, нѣсколько оскорбительныхъ словъ и наконецъ назначена была дуэль, по вызову Чернова, переданному Новосильцову Рылѣевымъ. День назначенъ — противники сошлись — шаги размѣрены — сигналъ поданъ — оба обратились лицомъ другъ къ другу — оба спустили курки и оба пали смертельно раненные — обоихъ отвезли приближенные въ свои квартиры — Чернова въ скромную офицерскую квартиру Семеновскаго полка; Новосильцова въ домъ родственниковъ. Рылѣевъ былъ секундантомъ Чернова и не отходилъ отъ его страдальческаго ложа. Близкая смерть положила конецъ враждѣ противниковъ. Каждый изъ нихъ горячо забился о состояніи другаго. Врачи не давали надежды ни тому, ни другому. Еще день, много два, и неизбежная смерть должна была кончить юную жизнь cadaго изъ нихъ. Оба приготовились къ смертному часу. — По близкой дружбѣ съ Рылѣевымъ я и многіе другіе приходили къ Чернову, чтобы выразить ему сочувствіе къ поступку благородному, въ которомъ онъ, вступая за честь сестры, палъ жертвою того грустнаго предразсудка, который велитъ кровью омыть запятнанную честь. Предразсудокъ общій, чуждый духа христіанскаго! Имъ ни честь не возстанавливается и ничто не разрѣшается, но удовлетворяется только общественное мнѣніе, которое съ недовѣрчивостію смотритъ на того, кто рѣшается не подчиниться общему закону. Свѣжо еще у меня въ памяти мое грустное посѣщеніе. Вхожу въ небольшую переднюю; меня встрѣтилъ Рылѣевъ.

Онъ вошелъ къ страдальцу и сказалъ о моемъ приходѣ; я вошелъ и, признаюсь, совершенно потерялся отъ сильнаго чувства, возбужденнаго видомъ юноши такъ рано обреченнаго на смерть; кажется, я взялъ его руку и спросилъ: какъ онъ себя чувствуетъ? На вопросъ отвѣта не было; но послѣдовалъ другій, который меня смутилъ: много лестныхъ словъ, незаслуженныхъ мною, (я лично не былъ знакомъ съ Черновымъ), сказалъ мнѣ умирающій. Въ избыткѣ сердечнаго чувства, молча пожалъ я ему руку, сказалъ ему то, что сердцемъ выговорилось въ этотъ торжественный часъ, хотѣлъ его обнять, но не смѣлъ коснуться его, чтобы не растревожить его раны и ушелъ въ грустномъ раздумьи. За мною вошелъ Александръ Ивановичъ Якубовичъ, одинъ изъ кавказскихъ героевъ, раненый пулею въ лобъ; пріѣхавшій въ Петербургъ для излеченія отъ раны, выдержавшій операцію черепной кости, и громко прославленный во многихъ кругахъ за его смѣлый, отважный характеръ, за многія доблестныя качества, свидѣтельствованныя боевою кавказскою жизнію. Онъ былъ членомъ Общества. По своему обыкновенію, Александръ Ивановичъ сказалъ Чернову рѣчь; отвѣтъ Чернова былъ скромнень въ отношеніи къ себѣ, но онъ умѣлъ сказать Якубовичу то слово, которое коснулось тонкой струны боеваго сердца нашего Кавказца. Онъ вышелъ отъ него со слезою на глазахъ, и мы молча пожали другъ другу руки. Скоро не стало Чернова; мирно отошелъ онъ въ вѣчность. Въ тоже время не стало и Новосильцова. Мать и родные улаждали его послѣднія минуты. Убитая горемъ, мать приняла его послѣднее дыханіе. Она же проводила, съ немногими близкими, его гробъ, послѣднее жилище единственнаго любимаго сына, единственной ея надежды на земную радость, въ родовый склепъ. Мать Чернова не знала о горестной судьбѣ возлюбленнаго сына. Кажется, онъ не желалъ, чтобы сооб-

щили ей и въ особенности сестрѣ то грустное событіе, котораго исходъ былъ такъ близокъ и такъ неизбеженъ. Многіе и многіе собрались утромъ назначеннаго для похоронъ дня ко гробу безмолвнаго уже Чернова. Товарищи вынесли его и понесли въ церковь. Длинной вереницей тянулись и знакомые и незнакомые, пришедшіе воздать послѣдній долгъ умершему юношѣ. Трудно сказать, какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища. Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выразило сочувствіе къ тому, кто собою выразилъ идею общую, каждымъ сознаваемую и сознательно и безсознательно, идею о защитѣ слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго. Такъ здѣсь мыслятъ на землѣ, съ земными помыслами! Высшій судъ, испытующій сердца, можетъ быть видитъ иначе; можетъ быть тамъ на небесахъ давно уже соединилъ узами общей, вѣчной любви тѣхъ, которые здѣсь примириться не могли.

Во второй половинѣ 1822 года родилась у Рылѣева мысль изданія альманаха, съ цѣлю обратить предпріятіе литературное въ коммерческое. Цѣль Рылѣева и товарища его въ предпріятіи, Александра Бестужева, состояла въ томъ, чтобы дать вознагражденіе труду литературному, болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя занятіямъ умственнымъ. Часто ихъ единственная награда состояла въ томъ, что они видѣли свое имя напечатанное въ издаваемомъ журналѣ; сами же они, пріобрѣтая славу и извѣстность, терпѣли и голодъ и холодъ, и существовали или отъ получаемаго жалованья, или отъ собственныхъ доходовъ съ имѣній или капиталовъ. Предпріятіе удалось. Всѣ литераторы того времени согласились получить вознагражденіе за статьи, отданныя въ альманахъ: въ томъ числѣ находился и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Полярная Звѣзда

имѣла огромный успѣхъ и вознаградила издателей не только за первоначальныя издержки, но доставила имъ чистой прибыли отъ 1500 руб. до 2000 рублей.

Такимъ образомъ начался 1825 годъ, который встрѣченъ былъ нами съ улыбкою радости и надежды. Я встрѣтилъ его дома, въ семьѣ родной. Получивъ 28ми дневный отпускъ, я воспользовался имъ, чтобы возобновить прерванные сношенія со многими изъ членовъ Общества, переѣхавшими по обязанностямъ службы въ Москву. Исполнивъ эту цѣль моей поѣздки и утѣшившись ласками престарѣлаго родителя и милыхъ сестеръ, я возвратился въ концѣ Января въ Петербургъ. Я нашелъ Рылѣва еще занятаго изданіемъ альманаха; а по дѣламъ Общества всё находилось въ какомъ-то затишьѣ. — Многіе изъ первоначальныхъ членовъ находились вдали отъ Петербурга. Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ за границей; Иванъ Ивановичъ Пущинъ переѣхалъ въ Москву, кн. Сергій Петровичъ Трубецкій былъ въ Кіевѣ; Михайло Михайловичъ Нарышкинъ былъ также въ Москвѣ. Такимъ образомъ наличное число членовъ Общества въ Петербургѣ было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполне развить собою цѣль и намѣренія Общества, и потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности чрезъ постоянное, взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные, періодически-назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825 годъ. Помню изъ этаго времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера лейбъ-гренадерскаго полка, вышедшаго въ отставку по неудовольствію съ командиромъ полка, и пріѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Рылѣвъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче и, находя въ немъ душу пылкую, принялъ его въ члены Общества. Лично

я его мало зналъ, но по отзыву Рылѣева мнѣ извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя качества. Онъ видѣлъ въ немъ втораго Занда. Знаю также, что Рылѣевъ ему много помогалъ въ средствахъ къ жизни и не щадилъ для него своего кошелька.

Къ этому времени, т. е. къ началу осени 1825 г., въ слѣдствіе-ли темнаго, неразгаданнаго предчувствія, или въ слѣдствіе думъ, постоянно обращенныхъ на одинъ и тотъ же предметъ, возникло во мнѣ самомъ сомнѣніе, довольно важное для внутренняго моего спокойствія. Я его сообщилъ Рылѣеву. Оно состояло въ слѣдующемъ; я спрашивалъ самаго себя: имѣемъ-ли мы право, какъ частные люди, составляющіе едва замѣтную единицу въ огромномъ большинствѣ населенія нашего отечества, предпринимать государственный переворотъ, и свой образъ воззрѣнія на государственное устройство налагать почти насильно на тѣхъ, которые, можетъ быть, довольствуясь настоящимъ, не ищутъ лучшаго; если же ищутъ и стремятся къ лучшему, то ищутъ и стремятся къ нему путемъ историческаго развитія? Эта мысль долго мнѣ не давала покоя, въ минуты и часы досуга, когда мысль проходитъ процессъ самоиспытанія. Можетъ быть, она родилась во мнѣ въ слѣдствіе слова, даннаго нами Пестелю и рѣшенія, принятаго нами воспользоваться или переменною царствованія, или другимъ важнымъ политическимъ событіемъ, для исполненія окончательной цѣли союза, т. е. для государственнаго переворота тѣми средствами, которыя будутъ готовы къ тому времени.

Сообщивъ свою думу Рылѣеву, я нашелъ въ немъ жаркаго противника моему воззрѣнію. Его возраженія были справедливы. Онъ говорилъ, что идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства; что они свободно рождаются и свободно развиваются въ каждомъ мыслящемъ существѣ; далѣе, что они общительны, и если

клонятся къ пользѣ общей, если они не порожденія чувства себялюбиваго или своекорыстнаго, то суть только выраженіе нѣсколькими лицами того, что большинство чувствуетъ, но не можетъ еще выразить. Вотъ почему онъ полагалъ себя въ правѣ говорить и дѣйствовать въ смыслѣ цѣли Союза, какъ выраженія идеи общей, еще не выраженной большинствомъ, въ полной увѣренности, что едва эти идеи сообщатся большинству, оно ихъ приметъ и утвердитъ полнымъ своимъ одобреніемъ. Доказательствомъ сочувствія большинства онъ приводилъ безчисленные примѣры общаго и частнаго неудовольствія на притѣсненія, несправедливости, и частныя и проистекающія отъ высшей власти; наконецъ приводилъ примѣры свободолюбивыхъ идей, развившихся почти самобытно въ нѣкоторыхъ лицахъ какъ купческаго, такъ и мѣщанскаго сословія, съ коими онъ бывалъ въ личныхъ сношеніяхъ. Чувствуя и цѣня справедливость его возраженій, я понималъ однакожъ, что если идеи истины, свободы, правосудія, составляютъ необходимую принадлежность всякаго мыслящаго существа, и потому доступны и понятны каждому, то форма ихъ выраженія или выраженіе ихъ въ поступкѣ подлежитъ нѣкоторымъ общимъ законамъ, которые должны быть выраженіемъ одной общей идеи. Бѣднякъ, по чувству справедливости можетъ сказать богатому: удѣли мнѣ часть своего богатства. Но если онъ, получивъ отказъ, рѣшится, по тому же чувству правды, отнять у него эту часть силою, то своимъ поступкомъ онъ нарушитъ самую идею справедливости, которая въ немъ возникла при чувствѣ своей бѣдности. Я понималъ также, что государственное устройство есть выраженіе или осуществленіе идей свободы, истины и правды; но форма государственнаго устройства зависитъ не отъ теоретическаго воззрѣнія, но отъ историческаго развитія народа, глубоко лежащаго въ общемъ сознаніи, въ общемъ народномъ со-

чувствіи. Я смутно понималъ также, что кромѣ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и государственныхъ, какъ выраженія идей свободы, истины и правды, въ государственномъ устройствѣ должно быть выраженіе идеи любви высшей, связующей всѣхъ въ одну общую семью. Ея выраженіе есть Церковь. Много и долго спорили мы съ Рылѣевымъ или, лучше сказать, обмѣнивались мыслями, чувствами и воззрѣніями. Ежедневно, въ продолженіе мѣсяца или болѣе, или онъ заѣзжалъ ко мнѣ или я приходилъ къ нему, и въ бесѣдѣ другъ съ другомъ проводили мы часы и разставались, когда уже утомлялись отъ долгой и поздней бесѣды. Въ этихъ ежедневныхъ бесѣдахъ вопросы были и философскіе и религіозные. Но послѣ многихъ отступленій, Рылѣевъ приходилъ къ темѣ, заданной мною сначала. Я видѣлъ, что онъ понималъ её какъ охлажденіе съ моей стороны къ дѣлу общества и потому его усилія клонились къ тому, чтобы не допускать меня до охлажденія.

Между тѣмъ въ тайнахъ высшихъ судебъ приготовлялось событіе грустное, о которомъ никто изъ насъ не помышлялъ, и которое поразило насъ, какъ поражаетъ громовый ударъ при безоблачномъ небѣ. Императоръ Александръ Павловичъ приготовлялся къ путешествію на югъ. Много слуховъ было тогда о причинахъ его путешествія. Между прочимъ говорили, что онъ готовилъ себѣ мѣсто успокоенія отъ царственныхъ трудовъ въ Таганрогѣ, гдѣ ему приготовляли дворецъ и гдѣ онъ думалъ, съ добродѣтельной супругой, Елисаветой Алексѣевной, послѣ отреченія отъ престола, поселиться въ глубокомъ уединеніи и посвятить остатокъ дней покою и тишинѣ. Много признаковъ утомленія отъ царственныхъ трудовъ, и глубокаго потрясенія лучшихъ силъ души давно уже видимо было не только тѣмъ, которые были близки къ его особѣ, но и намъ, занимавшимъ мѣста нисшія въ правительственной іерархіи.

Раскасированіе стараго Семеновскаго полка, наиболѣе имъ любимаго, первое потрясло его вѣру въ преданность къ его особѣ тѣхъ полковъ гвардіи, въ любви которыхъ онъ былъ наиболѣе увѣренъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ убѣжденъ, что причина явнаго неповиновенія полка не заключалась единственно въ мѣлкихъ притѣсненіяхъ полковника Шварца, въ его неумѣніи обращаться съ солдатами, въ его желаніи унизить духъ солдатъ и офицеровъ, но въ дѣйствіи тайнаго общества, коего членами онъ полагалъ многихъ офицеровъ стараго Семеновскаго полка. Въ этомъ онъ ошибался.

Сколько мнѣ извѣстно, изъ офицеровъ, бывшихъ въ то время при полку, членомъ общества и однимъ изъ первыхъ его основателей былъ Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ. Кромѣ его я не зналъ никого. Слѣдствіе, которое было сдѣлано, не раскрыло ничего, кромѣ всѣмъ извѣстнаго обращенія полковника Шварца съ солдатами и офицерами, и противодѣйствія сихъ послѣднихъ тѣмъ благороднымъ обращеніемъ съ ввѣренными имъ нижними чинами, которое само собою, безъ всякаго возмутительнаго начала, являло солдатамъ полковника Шварца въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Съ того времени можно было замѣтить, какъ вкралось недовѣріе въ сердце Императора къ любимому имъ войску. Многіе думали и говорили, что въ немъ преобладала фрунтманія. Съ этимъ мнѣніемъ я несовершенно согласенъ. Я весьма понимаю то возвышенное чувство, которое ощущаетъ всякій военный, при видѣ прекраснаго войска, какимъ была и всегда будетъ гвардія, стройно движущаяся по мановенію начальника. Тутъ соединяется и стройность движеній, и тишина, и та самоувѣренность каждаго, движущагося безмолвно въ этомъ строю, которая являетъ собою невидимую, несокрушимую силу и бодрость душевную, составляющія украшеніе человѣка. Это чувство

могъ раздѣлять и раздѣлялъ Императоръ Александръ при видѣ своего войска. На ежедневныхъ его посѣщеніяхъ развода, въ манежѣ, онъ искалъ не отличнаго фрунтоваго образованія, но тотъ духъ, коимъ одушевлялось войско. Подъѣзжая къ фронту и ожидая отвѣта на сердечный привѣтъ: „здорово, ребята,“ онъ въ одушевленномъ: „здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество,“ слышалъ или голосъ полный любви неподдѣльной, или какой-то полухолодный отвѣтъ, который болѣзненно отзывался въ его любящей душѣ. Онъ былъ счастливъ, если слышалъ первый, и всѣмъ былъ доволенъ. Тогда и министры принимались съ докладами, и ихъ доклады всегда счастливо проходили; и ученіе развода, хотя съ ошибками, сходило съ рукъ хорошо. Это настроеніе въ особенности замѣтно стало въ послѣдніе годы его жизни. Помню весьма хорошо послѣдній Петергофскій праздникъ 1825 года. Императоръ, проѣзжая по парку, встрѣтилъ рядоваго лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, который, нечаянно увидѣвъ Государя выѣзжавшаго изъ-за кустовъ, сталъ во фронтъ по солдатскому обычаю и, не дожидаясь царскаго привѣта, громко и одушевленно воскликнулъ: „здравія желаю, Ваше Императорское Величество.“ Государь спросилъ его имя и велѣлъ немедленно произвести въ унтеръ-офицеры. Заслуга рядоваго состояла единственно въ чувствѣ, которое онъ умѣлъ выразить. Изъ этого примѣра можно видѣть, какъ высоко цѣнилъ это чувство Императоръ Александръ.

Довольно трудно выразить, но не трудно понять и почувствовать тому, кто самъ служилъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ солдатами, сколько истины въ этихъ натурахъ, еще неиспорченныхъ воспитаніемъ свѣтскимъ, неизнѣженныхъ роскошю. Взявъ cadaго отдѣльно, можно найти въ немъ и лукавство, весьма естественное въ подчиненномъ, который въ начальникѣ видитъ не своего

друга, но по большей части судью или безотвѣтственнаго начальника. Но въ строю, въ то время, когда ничто не возмущаетъ его чистыхъ побужденій, его голосъ есть голосъ истины, выражаемый всегда ея неподдѣльнымъ одушевленіемъ къ тому лицу, которое заслужило его довѣріе. Тутъ видно и чувство народное, выражаемое просто, но явственно слышимое тѣми, которые прислушиваются къ нему. Такъ понималъ я Императора Александра въ его ежедневныхъ отношеніяхъ къ любимому имъ войску.

Но обратимся къ его поѣздкѣ въ Таганрогъ, и къ первому извѣстію о его болѣзненномъ состояніи послѣ поѣздки въ Крымъ. Кто могъ помышлять при легкихъ припадкахъ лихорадки крымской, что болѣзнь опасна и поведетъ къ скорому концу? Телеграфовъ тогда еще не существовало, и потому мы спокойно ожидали дальнѣйшихъ извѣстій, которыя однако жъ не замедлили притти, съ характеромъ угрожающимъ. Тогда начались молебствія въ церквахъ о здравіи Государя и, кажется, во время втораго молебствія въ Зимнемъ Дворцѣ, пришло извѣстіе о его смерти, и молебствіе обратилось въ торжественную панихиду. За тѣмъ провозглашенъ былъ Императоромъ Константинъ Павловичъ, и на другой день вся гвардія и всѣ верховныя власти принесли ему присягу.

Наканунѣ присяги всѣ наличные члены Общества собрались у Рылѣева. Всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться восшествію на престолъ, ни предпринять что либо рѣшительное, въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того положено было, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго Императора, дѣйствія Общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что на долго, а можетъ быть и навсегда, отдалось осуществленіе лучшей мечты нашей жизни! На другой же день вѣсть пришла о возможномъ отреченіи

отъ престола новаго Императора. Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ и завѣщаніе покойнаго, и вѣроятное вступленіе на престолъ Великаго Князя Николая Павловича. Тутъ всё пришло въ движеніе и вновь надежда на успѣхъ блеснула во всѣхъ сердцахъ.

Не стану рассказывать о ежедневныхъ нашихъ совѣщаніяхъ, о дѣятельности Рылѣва, который, вопреки болѣзненному состоянію (у него открылась въ это время жаба) употреблялъ всю силу духа на исполненіе предначертаннаго намѣренія — воспользоваться перемѣною царствованія для государственнаго переворота.

Дѣйствія Общества и cadaго изъ членовъ обнародованы въ докладѣ Коммисіи и въ сентенціи Верховнаго Уголовнаго Суда. Нельзя отрицать истины, выраженной фактами, но по совѣсти могу и долженъ сказать, что и въ горячечномъ бреду человѣкъ говоритъ то, чего послѣ не помнитъ. Такъ и тутъ. Всѣ, что было сказано въ минуты, когда воображеніе, увлекаемое сильно-восторженнымъ чувствомъ, выговаривало въ порывѣ увлеченія, не можетъ и не должно быть принято за истину. Но Верховный Судъ не могъ быть тайнымъ свидѣтелемъ того, что происходило на совѣщаніяхъ, не могъ вникать въ нравственное состояніе cadaго. Онъ произносилъ приговоръ надъ фактомъ, а фактъ былъ неопровержимъ! Покрыемъ завѣсою прошедшее!

Насталъ день 14 Декабря. Рано утромъ я былъ у Рылѣва: онъ давно уже бодрствовалъ. Условившись въ дѣйствіяхъ дальнѣйшихъ, я отправился къ себѣ домой, но обязанностямъ службы. Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ приходомъ Московскаго полка, я нашелъ Рылѣва тамъ. Онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь, и готовился стать въ ряды солдатскіе. Но вскорѣ нужно было ему отправиться въ лейбъ-гренадерскій полкъ, для ускоренія его прихода. Онъ отправился по назначенію, испол-

нилъ порученіе; но съ тѣхъ поръ я уже его не видалъ. Много перечувствовалось въ этотъ знаменательный день; многое осталось запечатлѣннымъ въ сердечной памяти чертами неизгладимыми. Я и многіе со мною изъявляли мнѣніе противъ мѣръ, принятыхъ въ этотъ день Обществомъ, но необинуемость близкая, неотвратимая, заставила отказаться отъ нравственнаго убѣжденія въ пользу дѣйствія, къ которому готовилось Общество въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Не стану говорить о возможности успѣха: едва ли кто изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ!*) Каждый надѣялся на случай благопріятный, на неожиданную помощь, на то, что называется счастливой звѣздой; но, при всей невѣроятности успѣха, каждый чувствовалъ, что обязанъ Обществу исполнить данное слово, — обязанъ исполнить свое назначеніе, и съ этими чувствами, этими убѣжденіями въ неотразимой необходимости дѣйствовать, каждый сталъ въ ряды. Дѣйствія каждаго извѣстны.

15го Декабря я былъ уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Послѣ долгаго, томительнаго дня, наконецъ я остался одинъ. Это первое отрадное чувство, которое я испыталъ въ этотъ долгій, мучительный день. И Рылѣевъ былъ тамъ же; но я этого не зналъ. Моя комната была отдалена отъ всѣхъ прочихъ номеровъ; её называли офицерскою. Особый часовый стоялъ на стражѣ у моихъ дверей. Нѣмая прислуга, нѣмые приставники, всё покрывалось мракомъ неизвѣстности. Но изъ вопросовъ комиссіи я долженъ былъ убѣдиться, что и Рылѣевъ раздѣляетъ общую участь. Первая вѣсть мною отъ него получена была 21 Января; при чтеніи этихъ немногихъ строкъ радость моя была неизъяснима. Теплая душа Рылѣева не переставала любить горячо, искренно; много отрады было въ этомъ чувствѣ. Я не могъ отвѣчать ему; я не имѣлъ искуства уберечь перо, чернилы, бумагу;

последняя всегда была номерована; перо, чернилица — въ одномъ экземплярѣ; ни посуды для чернилъ, ни мѣста, куда бы спрятать; всё такъ было открыто въ моей комнатѣ, что я не находилъ возможности спрятать что-нибудь.

Что скажу я о дняхъ, проведенныхъ въ заключеніи, подъ гнѣтомъ воспоминаній, еще свѣжихъ; страстей, еще не утихшихъ, вопросовъ комиссіи, непрестанно-возобновляемыхъ, опасеній за близкихъ сердцу; страха, однимъ лишнимъ словомъ въ отвѣтъ, не прибавить лишняго горя тому, до кого коснется это слово? Всё это было въ первый періодъ заключенія. Постепенно вопросы сдѣлались рѣже, личный вызовъ въ комиссію прекратился, тишина водворилась постепенно въ душѣ; новый свѣтъ проникалъ въ нее, озарялъ её въ самыхъ темныхъ ея изгибахъ, гдѣ хранится тотъ итогъ жизни мыслящей, чувствующей, дѣйствующей, который составилъ со дней немыслящей юности до времени мыслящаго мужа. Съ чѣмъ сравню этотъ свѣтъ и какъ достойно восхваляю его? Слабый образъ его есть восходящее солнце, которое, восходя изъ невидимой глубины небесной, освѣщаетъ сначала верхи горъ и едва замѣтными лучами касается долины; постепенно возвышаясь, лучи его постепенно дѣлаются ярче, постепенно ими освѣщаются и всѣ горы, и ярче и теплѣе освѣщаются долины, гдѣ растѣнія нѣжныя постепенно привыкаютъ къ его животельной теплотѣ, и открываютъ его лучамъ свои сомкнутыя чашечки, вдыхая въ себя его животельную силу. Такъ и свѣтъ Евангельской истины освѣтилъ сначала тѣ черты жизни и характера, которыя рѣзко обозначались въ глубинѣ самопознанія. Постепенно проникая далѣе, свѣтъ Евангельскій, лучами животельными, лучами теплыми, любви вѣчной, полной, совершенной, озарялъ, согрѣвалъ, оживлялъ всё то, что въ самосознаніи способно было принять его свѣтъ, вдохнуть въ себя его теплоту, ра-

скрыться для принятія его живительной теплоты, его живительной силы. Такимъ образомъ протекали дни за днями, недѣли за недѣлями. Открылась весна, наступило начало лѣта, и намъ, узникамъ, позволено было пользоваться воздухомъ въ маломъ саду, устроенномъ внутри Алексѣевского рavelина. Часы прогулки распредѣлялись поровну на всѣхъ узниковъ: ихъ было много, и потому не всякій день каждый пользовался этимъ удовольствіемъ.

Однажды добрый нашъ сторожъ приносить два кленовыхъ листа, и осторожно кладетъ ихъ въ глубину комнаты, въ дальній уголъ, куда не проникалъ глазъ часоваго. Онъ уходитъ, — я спѣшу къ завѣтному углу, поднимаю листы и читаю:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ:

Когда я сброшу жизнь мою?

Кто дастъ крилъ ми голубинѣ?

И полещу и почію.

Весь міръ, какъ смрадная могила:

Душа отъ тѣла рвется вонъ.

Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила!

Вонми мой вопль, услышь мой стонъ!

Приникни на мое моленье,

Вонми смиренію души,

Пошли друзьямъ моимъ спасенье,

А мнѣ даруй грѣховъ прощенье,

И духъ отъ тѣла разрѣши!

Кто пойметъ сочувствіе душъ, то невидимое соприкосновеніе, которое внезапно объемлетъ душу, когда нѣчто родное, близкое коснется ея, тотъ пойметъ и то, что я почувствовалъ при чтеніи этихъ строкъ Рылѣева! То что мыслилъ, чувствовалъ Рылѣевъ, сдѣлалось моимъ; его болѣзнь сдѣлалась моею, его уныніе усвоилось мнѣ, его вопіющій голосъ вполне отразился въ моей душѣ! Къ кому же могъ я обратиться съ новою моею скорбію, какъ

не къ Тому, къ которому давно уже обращались всѣ мои чувства, всѣ тайные помыслы моей души? Я молился, — и кто можетъ изъяснить тайну молитвы? Если можно уподобить видимое невидимому, то скажу: цвѣтокъ, раскрывшій свою чашечку лучамъ солнечнымъ, едва вопьетъ ихъ въ себя, какъ издаетъ благоуханіе, которое слышно всѣмъ, приблизившимся къ цвѣтку. Неужели это благоуханіе, издаваемое цвѣткомъ, не вливается и лучемъ, которымъ оно было вызвано? Но если оно вливается лучемъ, то имъ же возносится къ тому Источнику, отъ коего получило начало! Такъ уподобляя видимое невидимому — сила любви вѣчной, коснувшись души, вызываетъ молитву, какъ благоуханіе, возносимое Тому, отъ кого получило начало! Кончилась молитва. У меня была толстая игла и нѣсколько клочковъ сѣрой, обверточной бумаги. Я накалывалъ долго, въ возможно-сжатой рѣчи, всё то, что просилось подъ непокорное орудіе моего письма, и потрудившись около двухъ дней, успокоился душой и передалъ свою записку тому же доброму сторожу. Отвѣтъ не замедлилъ. Вотъ онъ.

„Любезный другъ! Какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! — Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ Самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я ему вчера молился со слезами. О какая была эта молитва, какія были эти слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушеній, и желаній за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку, словомъ, за весь міръ! Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь? Скажи мнѣ: чужое оно или твое? Ежели эта рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое оно или твое, но оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества.“

Радость моя была велика при полученіи этихъ драгоценныхъ строкъ; но она была неполная, до полученія слѣдующихъ строфъ, писанныхъ также на кленовыхъ листахъ:

О милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшительнъ и сладокъ!

Онъ возвратилъ душѣ моей покой

И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.

Спасителю, сей Истинѣ Верховной,

Мы всецѣло подчинить должны

Отъ полноты своей души

И міръ вещественный и міръ духовный.

Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,

Но онъ къ безсмертію стезя прямая,

И благовѣствуя речетъ о ней

Сама намъ истина святая!

Блаженъ, кого Отецъ нашъ изберетъ,

Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ,

Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,

Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ!

Блаженъ, кто вѣдаетъ, что Богъ Единъ,

И міръ, и истина, и благо наше;

Блаженъ, чей духъ надъ плотью властелинъ,

Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.

Прямый мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ,

Онъ предпочелъ небесное земному,

И какъ Петра, ведетъ его Христосъ

По тревоженію мірскому!

Душею чистъ и сердцемъ правъ

Передъ кончиною подвижникъ постоянный;

Какъ Моисей съ горы Нававъ

Узритъ онъ край обѣтованный!

Это была послѣдняя, лебединая пѣснь Рылѣева. Съ того времени онъ замолкъ, и кленовыя листы не являлись уже въ завѣтномъ углу моей комнаты.

Между тѣмъ Верховный Судъ оканчивалъ порученное

ему дѣло. Насъ приводили, показывали подписанныя нами показанія. Я не зналъ, для чего меня спрашиваютъ; не зналъ, что вмѣсто слѣдствія Верховный Судъ уже окончательно рѣшилъ нашу участь; видѣлъ мои показанія; отвѣчалъ, что признаю ихъ за свои. Скоро насталъ день 9 Іюля. Насъ собрали въ залы Комендантскаго дома. Радость была велика, при встрѣчѣ съ друзьями, съ которыми такъ давно мы жили въ разлукѣ. Напрасно однако жъ я искалъ Рылѣва и прочихъ четверыхъ. Смутно я понималъ, что они избраны изъ среды насъ для чегого высшаго, нежели что предстояло намъ. Вошли мы въ залу. Знакомыя и незнакомыя лица сидѣли въ парадныхъ мундирахъ и безмолвно смотрѣли на насъ. Оберъ-Прокуроръ громко прочелъ сентенціи каждаго изъ насъ. Я выслушалъ свой приговоръ какъ-то равнодушно. Въ эти минуты нѣтъ времени на размышленіе; и будущность, намъ предстоявшая, коснувшись слуха, не представляла никакого яснаго понятія о ея истинномъ значеніи. Мы вышли и насъ повели обратно не въ прежній Алексѣевскій Равелинъ. Мнѣ назначили пребываніе въ Кронверкской куртінѣ. Въ длинномъ и широкомъ корридорѣ указали мнѣ на дверь. Я вошелъ въ маленькую комнату, досчатой перегородкой отдѣленную отъ сосѣдняго номера. Я удивился близкому сосѣдству, отъ котораго отвыкъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. — Вечеромъ на другой день приходитъ нашъ постоянный собесѣдникъ, постоянный утѣшитель, который съ первыхъ дней заключенія свято исполнялъ свой долгъ, какъ священникъ, какъ духовный отецъ, какъ единственный другъ заключенныхъ, Петръ Николаевичъ Мысловскій, Протоіерей Казанскаго Собора. Онъ зашелъ къ каждому, чтобы по возможности приготовить къ предстоящему исполненію приговора. Зная его скромность въ отношеніи тѣхъ предметовъ, которые не входили въ прямую его обязанность, какъ Священника,

я не смѣлъ спросить его сначала о предстоящей участи пятерыхъ, отдѣленныхъ отъ насъ и избранныхъ къ высшему испытанію.

Наконецъ передъ уходомъ я рѣшился спросить: что же будетъ съ нами? Когда онъ прямо отвѣчать не могъ, онъ отвѣчалъ всегда загадочно. Его послѣднія слова въ этотъ день были: *Конфирмація-Декорація*. Я понялъ, что испытаніе будетъ, но что оно кончится помилованіемъ. И онъ былъ въ этомъ убѣжденъ. И онъ надѣялся. Надежды не сбылись.

Вотъ послѣднее, предсмертное письмо Рылѣева къ его женѣ: „Богъ и Государь рѣшили участь мою. Я долженъ умереть, и умереть смертію позорною. Письмо это, мой милый, мой безцѣнный другъ, отдастъ тебѣ духовный отецъ мой, Протоіерей Петръ Николаевичъ Мысловскій. Онъ обѣщалъ мнѣ молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ, въ знакъ признательности, или лучше сказать, на память, потому что возблагодарить его можетъ одинъ Богъ за тѣ благодѣянія, которыя онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Не оставайся здѣсь долго; старайся кончить скорѣе дѣла свои; отправляйся къ почтеннѣйшей матушкѣ и проси еѣ, чтобы она простила меня; равно всѣхъ проси о томъ же. К. И. и дѣтямъ ея кланяйся низко и скажи имъ, чтобы онѣ не роптали на меня за М. Б.; не я его вовлекъ въ общую бѣду; онъ самъ это засвидѣтельствуетъ.

„Я хотѣлъ просить свиданія съ тобою, но раздумалъ, боясь, чтобы не разстроить себя. Молю Бога за тебя, за Настиньку и за бѣдную сестру, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ ко мнѣ Священникъ, мой другъ и благодѣтель, и причаститъ меня. Настиньку благословляю мысленно Нерукотвореннымъ Образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о

ея воспитаніи; я желалъ-бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее твои Христіанскія чувства, и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни; а когда будетъ имѣть мужа, то осчастливить его, какъ ты, мой милый, мой добрый, неоцѣпенный другъ, осчастливила меня въ продолженіе 8ми лѣтъ. Могу ли я, мой другъ, благодарить тебя словами? Онѣ не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя вознаградитъ за всё! Почтеннѣйшей П. В. душевная, искренняя и усерднѣйшая моя благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его святая воля!“

Твой искренній другъ

Кондратій Рыльевъ.

Настала полночь. Священникъ съ Святými Дарами вышелъ отъ Кондратія Ѳедоровича; вышелъ и отъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, вышелъ и отъ Петра Каховскаго и отъ Михаила Бестужева-Рюмина. Пасторъ напутствовалъ Павла Ивановича Пестеля.

Я не спалъ; намъ велѣно было одѣваться; я слышалъ шаги, слышалъ шопотъ, но не понималъ ихъ значенія. Прошло нѣсколько времени, — слышу звукъ цѣпей. Дверь отворилась на противоположной сторонѣ корридора; цѣпи тяжело зазвенѣли. Слышу протяжный голосъ друга неизмѣннаго, Кондратія Ѳедоровича Рыльева: *простите, простите, братья*, и мѣрные шаги удалились къ концу корридора. Я бросился къ окошку; начало свѣтать; вижу взводъ Павловскихъ гренадеровъ и знакомаго мнѣ поручика Пильмана; вижу всѣхъ пятерыхъ, окруженныхъ гренадерами съ примкнутыми штыками. Знакъ поданъ и они удалились. И намъ сказано было выходить. И насъ повели тѣже гренадеры, и мы пришли на эспланаду передъ крѣпостію. Всѣ гвардейскіе полки были въ строю. Въ дали я видѣлъ пять висѣлицъ;

видѣлъ пятерыхъ избранниковъ, медленно приближающихся къ роковому мѣсту. Еще въ ушахъ моихъ звенѣли слова: „Конфирмація-Декорація;“ еще надежда не оставляла меня. Съ нами скоро кончили: переломили шпаги, скинули мундиры и бросили въ огонь; потомъ, надѣвъ халаты, тѣмъ же путемъ повели обратно въ ту же крѣпость. Я опять занялъ тотъ же номеръ въ Кронверкской куртінѣ.

Избранныя жертвы были готовы. Священникъ Петръ Николаевичъ былъ съ ними. Онъ подходитъ къ Кондратію Ѳедоровичу и говоритъ слово увѣщательное. Рылѣевъ взялъ его руку, поднесъ къ сердцу и говоритъ: „слышишь, отецъ, оно не бѣется сильнѣе прежняго.“ Всѣ пятеро взошли на мѣсто казни, и казнь совершилась

Такъ пали пять жертвъ, избранныхъ среди насъ, какъ жертвы искупительныя за грѣхъ общій; какъ готовые, спѣлые грозды они упали на землю. Но не земля ихъ приняла, а Отецъ Небесный, который нашелъ ихъ достойными небесныхъ своихъ обителей. Они отошли въ вѣчность, предочищенные отъ всего земнаго въ горнилѣ скорбей, и внутреннихъ и внѣшнихъ, и принявъ смерть, приняли вмѣстѣ съ нею и вѣнецъ мученическій, который не отымется отъ нихъ во вѣки. Слава Господу Богу! —

21го Іюля 1826го года — вечеромъ, мнѣ принесли въ мой номеръ Кронверкской куртіны сѣрую куртку и такіе же панталоны, изъ самага грубаго солдатскаго сукна, и возвѣстили что мы должны готовиться къ отправленію въ путь. Наканунѣ этого дня я имѣлъ свиданіе съ младшими братьями, пажами — и простившись съ ними, просилъ ихъ прислать мнѣ необходимое платье и бѣлье. Они исполнили мое желаніе; вѣроятно нашли готовый сюртукъ съ брюками, и вмѣстѣ съ бѣльемъ, уложили въ небольшой чемоданъ, и отправили ко мнѣ: все

это я получилъ, и удивляясь новому наряду который мнѣ принесли, спросилъ у плацъ-маіора: „За чѣмъ же мнѣ послали партикулярное платье, если хотятъ чтобы я носилъ сѣрую куртку?“ Отвѣтъ мнѣ былъ, что это отдается на мою волю, и что я могу воспользоваться казеннымъ платьемъ, если этого самъ пожелаю. Но такъ какъ мнѣ приказано было приготовиться къ дорогѣ, то я пораздумавъ, что у меня небыло ни одной копѣйки въ карманѣ — и что въ дальней сторонѣ, и въ дальнюю дорогу — единственный мой сюртукъ потерпитъ совершенное истребленіе, я рѣшился надѣть казенную аммуницію, которая хотя на видъ не хороша, но весьма была покойна, по ширинѣ ея размѣровъ, и сталъ дожидаться времени отправленія. Вскорѣ послѣ полуночи, меня повели въ Командантскій домъ: взойдя въ комнату, вижу Александра Ивановича Якубовича, въ такомъ же нарядѣ какъ и я. — Вслѣдъ за нимъ вошелъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ — бывшій командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, и Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной лейбъ-гусарь. Артамонъ Захаровичъ былъ одѣтъ щегольски; въ длинномъ сюртукѣ — и со всѣмъ изяществомъ, которое доставляетъ искусство портнаго, щедро награжденнаго. Его добрая жена, Вѣра Алексѣевна, заботилась о немъ. — Василя Львовича я увидѣлъ тогда въ первый разъ; — не великъ ростомъ, но довольно тучный, съ глазами живыми и выразительными; въ саркастической его улыбкѣ замѣтно было и направленіе его ума, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое добродушіе, которое невольно располагало къ нему тѣхъ, кто ближе съ нимъ былъ знакомъ. На Васильѣ Львовичѣ былъ надѣтъ фракъ Буту, перваго портнаго; остальной нарядъ соответствовалъ изящной отдѣлкѣ лучшаго портнаго. Мы молча пожали другъ другу руки. Якубовичъ не могъ удержаться отъ восклицанія, когда увидѣлъ меня съ отросшей бородой, и въ странномъ

моемъ нарядѣ. „Ну! Оболенскій — сказалъ онъ подводя меня къ зеркалу: если я похожъ на Стеньку Разина — то неминуюмо ты долженъ быть похожъ на Ваньку Каина.“ — Вскорѣ дверь распахнулась, и комендантъ крѣпости, генералъ отъ инфантеріи Сукинъ, громко сказалъ: по высочайшему повелѣнію, васъ велѣно отправитъ въ Сибирь закованными. Выслушавъ повелѣніе, я обратился къ нему и сказалъ, что не имѣя при себѣ ни одной копѣйки денегъ, я прошу его объ одной милости, чтобы мнѣ возвратили золотые часы довольно-цѣнные, которые были у меня отобраны, когда привезли въ крѣпость. Выслушавъ меня, генералъ приказалъ плацъ-адъютанту Трусову немедленно принести мои часы, и возвратитъ мнѣ. Это было исполнено; вскорѣ потомъ, принесли ножныя цѣпи; насъ заковали, сдали фельдъегерю Сѣдову, при четырехъ жандармахъ, и мы вышли, чтобы отправиться въ дальній путь. Провожая насъ, крѣпостный плацъ-маіоръ, Егоръ Михайловичъ Подушкинъ, подходитъ ко мнѣ, и таинственно пожимаетъ мнѣ руку: я отвѣчалъ пожатіемъ — и тутъ слышу едва внятный его шопотъ: возьмите, это отъ вашего брата. Тутъ я чувствую что въ рукѣ моей деньги — молча пожалъ я ему руку — и внутренно благодарилъ Бога за неожиданную помощь. У подъѣзда стояли четыре тройки: на одну изъ нихъ меня посадили: невольное грустное чувство обнимало душу. Вдругъ вижу, — на мою телѣгу вскочилъ Козловъ, адъютантъ военнаго министра Татищева, посланный имъ чтобы быть свидѣтелемъ нашего отправленія; мы съ нимъ мало были знакомы. Онъ обласкалъ меня какъ братъ родной, и слезы, потокомъ ліясь изъ его глазъ, свидѣтельствовали о глубокомъ чувствѣ коимъ онъ былъ проникнутъ; отрадно мнѣ было видѣть сочувствіе въ такомъ человѣкѣ, съ которымъ я едва былъ знакомъ. — Тройки помчали насъ съ разсвѣтомъ дня черезъ

Петербургъ въ Шлиссельбургскую заставу, и мы остановились для перемѣны лошадей на первой станціи . . . гдѣ насъ ожидала жена Артамона Захаровича Муравьева, для послѣдняго прощанія съ мужемъ. Неболѣе часу пробыли они вмѣстѣ; лошадей перемѣнили, и скоро мы миновали Новую Ладогу и съ обычной быстротой ѣхали все далѣе и далѣе. Путевыя впечатлѣнія совершенно изгладились изъ моей памяти; быстрая и безпокойная ѣзда, новость положенія, все вмѣстѣ не позволяло обращать вниманія на внѣшніе предметы. Мы останавливались въ гостинницахъ; Артамонъ Захаровичъ былъ общимъ казначеемъ, и щедро платилъ за наше угощеніе; постороннихъ лицъ до насъ не допускали; наша отрада состояла въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній наиболѣе въ памяти сохранился вѣздъ въ Нижній, который совершился во время открытія ярмарки; тысячи народа толпились на площади, когда мы медленно проѣзжали чрезъ площадь къ гостинницѣ. Общее чувство къ намъ выразилось единственно безмолвнымъ созерцаніемъ нашихъ колесницъ съ жандармами, и нашего наряда съ ножными украшеніями. Въ Нижнемъ я купилъ необходимую для меня шинель, и нѣкоторыя другія вещи мнѣ нужныя, и изъ 150 рублей, полученныхъ мною отъ Подушкина немного оставалось у меня въ наличности; мы продолжали путь по большому сибирскому тракту и въ концѣ Августа были въ Иркутскѣ.

Генералъ-губернаторъ Лавинскій находился въ отсутствіи; насъ принялъ исправляющій его должность ст. сов. Гирловъ; съ нами онъ обошелся ласково и поговоривъ съ участіемъ съ каждымъ изъ насъ, вышелъ изъ залы; вмѣстѣ съ нимъ вышли и другіе, но оставался чиновникъ намъ тогда неизвѣстный (это былъ совѣтникъ какой то палаты Вахрушевъ). Во время нашей бесѣды съ губернаторомъ, онъ смотрѣлъ на насъ съ видимымъ

участіемъ; наконецъ, когда старшіе чиновники удалились, онъ подходитъ ко мнѣ; слезы у него были на глазахъ; едва внятнымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, онъ говоритъ мнѣ: „неоткажите мнѣ ради Бога, примите“ — и въ руку кладетъ мнѣ 25 руб.; я не зналъ что мнѣ дѣлать, говорю ему шопотомъ: „не беспокойтесь — у меня деньги есть; я ненуждаюсь“ — вновь тѣже слова: — „ради Бога примите“ — много говорить и разсуждать было невозможно; и свидѣтели, и боязнь обнаружить ту малую сумму, которая у меня хранилась, все вмѣстѣ заставило меня взять деньги, молча пожать ему руку, и шопотомъ сказать: „никогда васъ не забуду“ — тоже самое сдѣлалъ онъ и съ прочими товарищами — получалъ тѣже отвѣты; но неотступно говоря тоже — „ради Бога примите“ — принуждалъ принять. До нашего конечнаго назначенія въ заводы, намъ отвели квартиру у частнаго пристава Затопляева; полиціймейстеромъ въ то время былъ Андрей Ивановичъ Пирожковъ; градскимъ головой былъ Ефимъ Андреевичъ Кузнецовъ, въ послѣдствіи столько прославившійся богатыми золотыми приисками, но еще болѣе общественною благотворительностію. Много вниманія и участія оказали намъ, какъ Ефимъ Андреевичъ, такъ и прочіе чиновники и купечество, и по возможности старались насъ успокоить и развлечь во время краткаго пребыванія нашего въ квартирѣ Г. Затопляева, который самъ, равно какъ и Андрей Ивановичъ Пирожковъ — никакимъ словомъ и никакимъ поступкомъ неоскорбили въ насъ того чувства собственнаго достоинства, которое неизмѣнно нами сохранялось. Недолго мы пользовались радушнымъ гостепріимствомъ; насъ назначили — меня и Якубовича — въ соленый заводъ, находящійся въ 60ти верстахъ отъ Иркутска, подъ названіемъ Усолъе; Муравьева и Давыдова въ Александровскій винокуренный заводъ. Мы разстались съ надеждою вновь увидѣться при благопріятнѣй-

шихъ обстоятельствахъ. Съ Якубовичемъ прибыли мы къ мѣсту новаго назначенія 30го Августа. Въ слѣдъ за нами пріѣхали въ Иркутскъ: Трубецкой, Волконскій, и два брата Борисовыхъ, Петръ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ; первые двое были посланы въ Николаевскій, а послѣдніе въ Александровскій винокуренный заводъ.

По прибытіи въ заводъ, насъ приняли въ заводской конторѣ; отобрали деньги, бывшія при насъ и отвели квартиру у вдовы, у которой мы поселились въ единственной ея горницѣ; сама же она жила въ избѣ. Начальника соленого завода — горнаго полковника Крюкова въ то время не было въ заводѣ, и потому никакого особаго распоряженія объ насъ сдѣлано небыло, и мы пользовались свободой, хотя ограниченной полицейскимъ надзоромъ, но не стѣсняемой никакими формальными ограниченіями; время отъ времени насъ посѣщалъ заводскій полиціймейстеръ урядникъ Скуратовъ, единственное лицо, съ которымъ мы имѣли официальные сношенія. Съ простымъ народомъ, населяющимъ заводъ, наши сношенія ограничивались покупкою припасовъ и платою за простыя услуги, намъ оказываемыя. Полицейскій невидимый надзоръ непрерывно наблюдалъ за нами, и часто, среди вечерней бесѣды вдвоемъ съ Якубовичемъ, мы слышали осторожные шаги приближающагося къ запертымъ ставнямъ агента полиціи, и глазъ его, сквозь ставенную щель, нерѣдко былъ нами замѣчаемъ. Но вопреки всѣмъ полицейскимъ мѣрамъ, скоро до насъ дошла вѣсть, что княгиня Трубецкая пріѣхала въ Иркутскъ: нельзя было сомнѣваться въ вѣрности извѣстія, потому что никто не зналъ въ Усоли о существованіи княгини, и потому выдумать извѣстіе о ея прибытіи было бы невозможно; это было кажется недѣли черезъ двѣ послѣ прибытія нашего въ заводъ. Къ этому времени прибылъ давно-ожидаемый горный начальникъ Крюковъ, который

долженъ былъ окончательно распорядиться о назначеніи насъ на заводскую работу. На другое утро послѣ его прибытія, насъ позвали къ нему. Заводская полиція отдала отъ его дома всѣхъ постороннихъ, и къ нему во время этого свиданія никого не впускали. — Онъ насъ принялъ не только ласково, но съ такимъ вниманіемъ, которое глубоко насъ тронуло. Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, разговоръ нашъ принялъ то направленіе полуоткровенное и не стѣснительное для насъ, которое умѣлъ ему дать образованный хозяинъ; вскорѣ затѣмъ вошла въ гостиную его дочь, съ подносомъ въ рукѣ, на которомъ мы увидѣли кофе, приготовленный ея собственными руками. Хозяинъ отрекомендовалъ насъ дочери и мы съ удовольствіемъ выпили приготовленный ею прекрасный кофе: — въ послѣдствіи мы узнали, что даже прислуга была выслана изъ дома, чтобы никто изъ постороннихъ не могъ донести о вниманіи, которое намъ оказалъ начальникъ завода. Отпуская насъ, полковникъ объявилъ, что назначить намъ работу только для формы; что мы можемъ быть спокойными и никакого притѣсненія опасаться не должны. Мы возвратились домой, довольные и покойные на счетъ будущности, насъ ожидающей; невольно иногда тревожила насъ мысль, что насъ могутъ употребить въ ту же работу, которую несли простые ссыльно-каторжные; я видѣлъ самъ, какъ они возвращались съ работы покрытые съ головы до ногъ соляными кристалами, которые высыхали на волосахъ, на одеждѣ, на бородѣ — они работали безъ рубашекъ — и каждая пара работниковъ должна была вылить изъ соленого источника въ соленую варницу извѣстное число ушатовъ — соленой влаги. На другой день послѣ свиданія съ начальникомъ, урядникъ Скуратовъ приноситъ намъ два казенные топора, и объявляетъ, что мы назначены въ дровосѣки, и что намъ будетъ отведено мѣсто

гдѣ мы должны рубить дрова — въ количествѣ назначенномъ для каждаго работника по заводскому положенію: это было сказано въ слухъ — шопотомъ же онъ объявилъ, что мы можемъ ходить туда для прогулки, и что нашъ урокъ будетъ исполненъ безъ нашего содѣйствія. Въ тотъ же день, намъ указали назначенное намъ мѣсто для рубки дровъ, вблизи отъ завода, и мы возвратились домой, довольные прогулкою и назначеніемъ. Между тѣмъ мысль объ открытіи сношеній съ княгиней Трубецкой меня не покидала: я былъ увѣренъ, что она дастъ мнѣ какое нибудь извѣстіе о старикѣ-отцѣ, — но какъ исполнить намѣреніе при бдительномъ надзорѣ полиціи — было весьма затруднительно; вставъ рано по утру въ день назначенный для начала работы, и напившись чаю, я простился съ Якубовичемъ, который былъ боленъ воспаленіемъ глазъ, подпоясалъ шинель, заткнулъ за поясъ данный мнѣ топоръ — и отправился на назначенное намъ мѣсто. Прибывъ въ лѣсъ я разсудилъ, что лучше приняться за работу, нежели праздно проводить время. Сверхъ того зная опасенія полковника Крюкова на доносы, и нежелая ввести его въ отвѣтственность за его къ намъ снисхожденіе, я храбро взялся за топоръ, и началъ рубить деревья, сколько у меня было силъ и умѣнья. Много я трудился, пока свалилъ первое дерево — и наработавшись до поту лица, весело возвратился домой, въ полной увѣренности, что исполнилъ долгъ благодарности въ отношеніи къ внимательному начальнику. Между тѣмъ, во время моей прогулки въ лѣсъ, замѣтилъ я человѣка одѣтаго довольно нарядно въ крытомъ сукномъ полушубкѣ — съ чертами лица довольно замѣчательными — и съ выраженіемъ какого то особеннаго сочувствія, когда онъ мнѣ сдѣлалъ обычный свой привѣтъ. — Вечеромъ того же дня, вижу его вновь недалеко отъ нашего дома, и мнѣ показалось, что онъ дѣлаетъ мнѣ таинственные знаки:

мое вниманіе было обращено на таинственнаго незнакомца. На другой день, выйдя на работу, я вновь увидѣлъ его на моемъ пути, и тотъ же таинственный знакъ указалъ мнѣ на лѣсъ, куда я направлялъ мой путь; начавъ работу, я началъ забывать мою встрѣчу, но вижу, какъ онъ пробирается сквозь чащу въ уединенное мѣсто и знакомъ, едва замѣтнымъ, манитъ меня туда: не долго я думалъ, и пошелъ за нимъ. Мой незнакомецъ встрѣчаетъ меня таинственными, но торжественными словами: „мы давно знаемъ о вашемъ прибытіи — въ пророчествѣ Іезекіиля — въ такой-то главѣ — о васъ сказано, и мы васъ ожидали — нашихъ здѣсь много: надѣйтесь на насъ — мы васъ не выдадимъ.“ Изъ его словъ я видѣлъ сектатора; но ни мѣсто свиданія, ни время не позволили мнѣ его разувѣрить въ его заблужденіи; лѣсная дорога, чрезъ которую проѣзжали крестьяне, была недалеко: я уже слышалъ скрыпъ телѣги невдалекѣ; не теряя времени — я ему сказалъ: „ты ошибаешься мой другъ — но если хочешь сослужить мнѣ даровую службу — то исполни. Берешься ли доставить письмо къ княгинѣ Трубецкой въ Иркутскъ — за труды немогу я тебѣ заплатить — у меня денегъ нѣтъ?“ Не долго онъ думалъ. „Будьте покойны, сказалъ онъ мнѣ — завтра въ сумерки, я буду на такомъ то мѣстѣ; принесите письмо — оно будетъ доставлено.“ Такъ мы разстались; я догадывался потомъ, что мой незнакомый знакомецъ принадлежалъ къ сектѣ Духоборцевъ; посоветовавшись съ Якубовичемъ, я рѣшился написать письмо, и въ назначенное время отнесъ его къ моему пріятелю — онъ его взялъ — и въ ту же ночь отправился въ Иркутскъ. Онъ вѣрно исполнилъ порученіе — и чрезъ два дня принесъ письмо отъ княгини Трубецкой, которая увѣдомляла о своемъ прибытіи — доставила успокоительныя извѣстія о родныхъ и обѣщала вторичное письмо, передъ отъѣздомъ въ Николаевскій заводъ къ мужу:

черезъ повѣреннаго Ефима Андреевича Кузнецова, письмо было вскорѣ получено, и мы нашли въ немъ пятьсотъ рублей, коими княгиня дѣлилась съ нами. Тогда же предложила она намъ писать къ роднымъ, съ обѣщаніемъ доставить наше письмо черезъ секретаря ея отца, который сопровождалъ ей до Иркутска и долженъ былъ возвратиться обратно въ Петербургъ. Случай благопріятный — былъ драгоцѣненъ для насъ, и мы имъ воспользовались, сердечно благодаря Катерину Ивановну за ея дружеское вниманіе.

Но время теперь коснуться замѣчательной личности, каковою была княгиня Катерина Ивановна, — рожденная графиня Лаваль. Ея отецъ со времени французской революціи поселился у насъ — и женившись на Александрѣ Григорьевнѣ Козицкой — получилъ, вмѣстѣ съ ея рукой, богатое наслѣдство, которое придавало его дому тотъ блескъ, въ которомъ роскошь служитъ только украшеніемъ и необходимою принадлежностію высокаго образованія и изящнаго вкуса. Воспитанная среди роскоши, Катерина Ивановна съ малолѣтства видѣла себя предметомъ вниманія и попеченія какъ отца, который нѣжно ее любилъ, такъ и матери, и прочихъ родныхъ. Кажется въ 1820 году, она находилась въ Парижѣ, съ матерью, когда князь Сергій Петровичъ Трубецкой пріѣхалъ туда же, провожая больную свою двоюродную сестру княгиню Куракину; познакомившись съ графиней Лаваль, онъ скоро сблизился съ Катериной Ивановной; предложилъ ей руку и сердце — и такимъ образомъ устроилась ихъ судьба — которая въ послѣдствіи такъ рѣзко очертила высокій характеръ Катерины Ивановны, и среди всѣхъ превратностей судьбы устроила ихъ семейное счастье, на такихъ прочныхъ основаніяхъ, которыхъ ничто немогло поколебать въ послѣдствіи. По сношеніямъ Общества, я былъ близокъ съ княземъ Сергѣемъ Петровичемъ;

въ 1821 году я въ первый разъ увидѣлъ Катерину Ивановну, и съ того времени, дружба къ ней и глубокое уваженіе неизмѣнялись, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развиваясь, приняли тотъ характеръ, который теперь, когда ея нѣтъ уже между нами, когда она уже приняла высшую награду отъ единого истиннаго цѣнителя всей нашей жизни, остались начертанныя чертами неизгладимыми тамъ, гдѣ все лучшее переходитъ съ нами въ иной міръ. Событіе 14го Декабря, и отправленіе въ Сибирь князя Сергѣя Петровича, служили только поводомъ къ развитію тѣхъ силъ души, коими одарена была Катерина Ивановна, и которыя она такъ прекрасно умѣла употребить, для достиженія высокой цѣли исполненія супружескаго долга, въ отношеніи къ тому, съ коимъ соединена была узами любви вѣчной, ничѣмъ не разрушимой; она просила, какъ высшей милости, слѣдовать за мужемъ и раздѣлять его участь; получила высочайшее дозволеніе, и вопреки настоянію матери, которая не хотѣла ее отпускать, отправилась въ дальній путь, въ сопровожденіи секретаря графа Лавалля, француза Mr. Vaucher; недоѣзжая ста или болѣе верстъ до Красноярска — карета ея сломалась — починить ее было невозможно — княгиня не долго думала, сѣла въ перекладную телѣгу — и такимъ образомъ доѣхала до Красноярска, откуда она послала тарантась, ею кушленный, за своимъ спутникомъ, который не могъ выдержать телѣжной ѣзды, и остановился на станціи. Соединившись наконецъ съ мужемъ въ Николаевскомъ заводѣ, она съ того времени никогда не покидала насъ, и была, во все время нашей общей жизни, нашимъ Ангеломъ-Хранителемъ. Трудно выразить то, чѣмъ для насъ были дамы, спутницы своихъ мужей; по справедливости, ихъ можно назвать сестрами милосердія, которыя имѣли о насъ попеченіе, какъ близкія родныя, коихъ присутствіе вездѣ и всегда вливало въ насъ

бодрость, душевную силу; а утѣшенія, коими мы обязаны имъ — словами изъяснить невозможно! Въ слѣдъ за княгинею Трубецкой, пріѣхала и княгиня Марья Николаевна Волконская, дочь знаменитаго въ отечественныхъ войнахъ Николая Николаевича Раевского: въ то время, о которомъ я говорю, ея небыло еще въ Иркутскѣ, но обратимся къ прерванному разсказу. Дни наши въ заводѣ текли однообразно: каждый день утромъ, мы шли съ Якубовичемъ на обычную работу, и я наконецъ достигъ въ рубкѣ дровъ того навыка, что могъ уже нарубить $\frac{1}{4}$ сажени въ день; въ третьемъ часу мы возвращались домой, обѣдали сытно, хотя не роскошно, а вечеръ проводили или въ бесѣдѣ другъ съ другомъ, или играли въ шахматы. Сравнительно съ тѣмъ, чего я ожидалъ, мы были такъ покойны, что я рѣшительно не вѣрилъ, чтобы наше положеніе не измѣнилось къ худшему; мой товарищъ былъ мнѣнія противнаго, и находился въ твердомъ убѣжденіи, что вмѣстѣ съ коронаціей, назначенной 22 Августа, послѣдуетъ манифестъ о нашемъ возвращеніи. Каждый изъ насъ отстаивалъ свое мнѣніе, и бесѣды наши оживлялись, какъ разсказами товарища о кавказской боевой его жизни, такъ и воспоминаніями о недавнемъ прошедшемъ: такимъ образомъ протекали дни, какъ вдругъ, вечеромъ 5го Октября, въ то время когда мы играли въ шахматы, входитъ урядникъ Скуратовъ, и объявляетъ намъ, чтобы мы собирались въ дорогу, и что насъ велѣно представить въ Иркутскъ. Первая мысль товарища была, что манифестъ присланъ съ фельдъ-егеремъ, и что насъ зовутъ въ Иркутскъ, чтобы объявить высочайшую милость. Я молчалъ, но думалъ противное, и началъ укладывать все, что можно было помѣстить въ наши чемоданы; однимъ словомъ все, что не принадлежало къ домашней кухонной утвари. Мой товарищъ рѣшительно нехотѣлъ брать ничего съ собою, въ полной увѣренности

что онъ скоро, на возвратномъ пути, легче и удобнѣе можетъ захватить въ Усолъе, и взять съ собою все то, что ему покажется нужнымъ для обратнаго пути. Молча я сдѣлалъ свое дѣло: уложилъ наши чемоданы; но никакъ немогъ уговорить товарища взять мѣдныхъ 25 руб., которые остались на рукахъ хозяйки, до предполагаемаго нашего возвращенія; тройки прибыли; при каждомъ изъ насъ посадили по два казака; на третьей тройкѣ насъ провожалъ урядникъ Скуратовъ. Я указалъ молча Якубовичу на нашъ конвой; но онъ махнулъ рукой, и говоря „вотъ услышишь, тогда повѣришь“ сѣлъ на передовую тройку, и поскакалъ. Такимъ образомъ продолжали мы путь до Иркутска. На перевозѣ, тройка Якубовича была первая — переѣхавъ на другой берегъ, онъ мнѣ махалъ бѣлымъ платкомъ. Тронулась наша тройка. Это было въ самую заутреню 6го Октября. Мы въѣзжаемъ въ городъ. Якубовичъ не перестаетъ мнѣ махать бѣлымъ платкомъ; наконецъ ѣдемъ далѣе, проѣзжаемъ весь городъ, нигдѣ не останавливаясь; бѣлый платокъ пересталъ развѣваться; въѣзжаемъ наконецъ за городъ, и на четвертой верстѣ, видимъ зданіе, окруженное войскомъ: тутъ были и казаки, и пѣхота; часовые разставлены вездѣ, это были казармы казачьяго войска. Въѣзжаемъ на дворъ; Якубовичъ соскочилъ съ телѣги: его встрѣчаетъ Андрей Ивановичъ Пирожковъ. Недолго задумывался нашъ кавказецъ: „поми-луйте, Андрей Ивановичъ, говоритъ онъ ему, у васъ здѣсь собрана и пѣхота и кавалерія; гдѣ же ваша артиллерія?“ Андрей Ивановичъ не могъ не улыбнуться, но молча протянулъ намъ руку, провелъ въ верхній покой, гдѣ мы нашли князей Трубецкаго и Волконскаго; тутъ мы узнали истинную причину нашего пріѣзда; — *насъ отправляли въ нерчинскіе рудники!* Насъ угостили чаемъ, завтракомъ, а между тѣмъ тройки для дальнѣйшаго нашего отправленія были уже готовы. Въ это время, смо-

тря въ окошко, вижу неизвѣстную мнѣ даму, которая въѣхавъ на дворъ, соскочила съ дрожекъ, и что-то разспрашиваетъ у окружившихъ ее казаковъ. Я зналъ отъ Сергѣя Петровича, что Катерина Ивановна въ Иркутскѣ и догадывался, что неизвѣстная мнѣ дама спрашиваетъ о немъ. Поспѣшно сбѣжавъ съ лѣстницы, я подбѣжалъ къ ней: это была княжна Шаховская, пріѣхавшая съ сестрой, женой Александра Николаевича Муравьева, посланнаго на жительство въ городъ Верхне-Удинскъ. Первый ея вопросъ былъ: „здѣсь ли Сергѣй Петровичъ?“ На отвѣтъ утвердительный она мнѣ сказала: „Катерина Ивановна ѣдетъ въ слѣдъ за мною: она непременно хочетъ видѣть мужа передъ отъѣздомъ, скажите это ему.“ Но начальство не хотѣло допускать этого свиданія, и торопило насъ къ отъѣзду; мы медлили сколько могли, но наконецъ принуждены были сѣсть въ назначенныя намъ повозки. Лошади тронулись; въ это время вижу Катерину Ивановну, которая пріѣхала на извозикѣ и успѣла уже соскочить и закричать мужу; въ мгновеніе ока Сергѣй Петровичъ соскочилъ съ повозки и былъ въ объятіяхъ жены; долго продолжалось это нѣжное объятіе, слезы текли изъ глазъ обоихъ. Полиціймейстеръ суетился около нихъ; просилъ ихъ разстаться другъ съ другомъ: напрасны были его просьбы. Его слова касались ихъ слуха, но смыслъ ихъ для нихъ былъ непонятенъ. Наконецъ однакожъ послѣднее „прости“ было сказано, и вновь тройки умчали насъ съ удвоенною быстротою. Княгиня Трубецкая осталась въ неизвѣстности объ участи мужа. Никто не хотѣлъ ей сказать истины объ окончательномъ назначеніи нашемъ; но твердо рѣшившись слѣдовать за мужемъ и раздѣлять его участь, какою бы она ни была горькою и тягостною, княгиня обратилась къ начальству съ требованіемъ, чтобы ей дозволено было слѣдовать за мужемъ, и раздѣлять съ нимъ его участь. Долго томили

ее разными уклончивыми отвѣтами; въ это время прѣѣхала въ Иркутскъ княгиня Марья Николаевна Волконская, и обѣ соединились въ одной мысли соединиться съ мужьями, и дѣйствовали въ одномъ и томъ же рѣшительномъ духѣ, не отступая ни передъ угрозами, ни передъ убѣжденіями. Наконецъ имъ представили положеніе о женахъ ссыльно-каторжныхъ, и о правилахъ, на которыхъ онѣ допускаются въ заводы. Во первыхъ, онѣ должны отказаться отъ пользованія тѣми правами, которыя принадлежатъ имъ по званію и состоянію. Во вторыхъ, онѣ не могутъ ни получать, ни отправлять писемъ и денегъ, иначе какъ чрезъ заводское начальство. Далѣе: свиданіе съ мужьями дозволяется имъ только по волѣ того же начальства, и въ томъ мѣстѣ, которое имъ же будетъ опредѣлено. Изустно же прибавляли къ этимъ правиламъ, что заводское начальство могло даже требовать отъ нихъ и личной прислуги, какъ то мытья половъ, и тому подобное. Прочитавъ условія, Катерина Ивановна и Марья Николаевна не усомнились утвердить ихъ своими подписями, и такимъ образомъ начальство было наконецъ вынуждено дать свое согласіе, и дозволить имъ безпрепятственно слѣдовать за мужьями въ Нерчинскіе рудники.

Пока длились эти переговоры, мы уже давно перѣѣхали черезъ Байкалъ на двухъ-мачтовомъ, низенькомъ суднѣ Ермакъ. Когда мы еще были на берегу, къ намъ присоединились и прочіе товарищи: Муравьевъ, Давыдовъ и два брата Борисовыхъ. Такимъ образомъ, на восьми тройкахъ, отъ Писольскаго монастыря помчали насъ по большому Нерчинскому тракту, при двухъ казачьихъ офицерахъ; при насъ былъ хорунжій Чаусовъ — сынъ атамана Иркутскаго казачьяго полка; при второй партіи — хорунжій Черепановъ; оба — люди добрые, не притязательные, которые исполняли свой долгъ, и были твердо

убѣждены, что мы не введемъ ихъ въ отвѣтственность никакимъ необузданнымъ поступкомъ. Казаки, насъ сопровождавшіе, какъ всѣ добрые Русскіе люди, были готовы оказать намъ, во всякое время, всякую помощь и всякую услугу. Изъ путевыхъ впечатлѣній, наиболѣе врѣзался мнѣ въ память пріѣздъ нашъ, поздно вечеромъ, къ берегу рѣки за Верхне-Удинскомъ. Тутъ былъ перевозъ, и мы остались ночевать. Поставили самоваръ, и мы начали пить чай: въ это время входитъ къ намъ въ избу молодой парень, хорошо одѣтый, и чистымъ русскимъ нарѣчіемъ говоритъ намъ: „Дѣдушка проситъ васъ принять его хлѣбъ-соль;“ съ этими словами онъ вноситъ къ намъ корзину съ чистымъ бѣлымъ хлѣбомъ, съ булками, сухарями; все было такъ чисто, хорошо, вкусно, что мы не мало удивились, увидя въ такомъ дальнемъ краѣ такую роскошь; — поблагодаривъ юношу, мы просили его передать нашу благодарность его почтенному дѣду, и просили его посѣтить насъ, если это его не затруднитъ. Черезъ часъ, пріѣхалъ къ намъ и старецъ, и мы долго и пріятно бесѣдовали съ нимъ; онъ называлъ себя кореннымъ Сибирякомъ, т. е. его предки поселились тутъ съ первыхъ временъ населенія Забайкальскаго края; трудомъ земледѣльческимъ и промышленностію звѣриной ловли пріобрѣли они то благостояніе, коимъ онъ нынѣ пользовался. Простившись съ нимъ, мы еще долго бесѣдовали о старцѣ и о томъ краѣ, который онъ съ такою любовью намъ описывалъ. За этимъ первымъ впечатлѣніемъ слѣдовало другое, не менѣе пріятное, хотя въ другомъ родѣ: это была остановка въ селѣ Біанканѣ, гдѣ насъ принялъ и угостилъ купецъ Кондинскій; его обѣдъ и угощеніе были роскошны. Радущіе хозяевъ было полное: они желали угостить насъ баней, но мы немогли оставаться долго у нихъ, чтобы не ввести въ отвѣтственность офицеровъ и потому простившись съ хозяевами, и поблагодаривъ за

угощеніе, мы отправились въ дальній путь. Во время этого краткаго переѣзда по селеніямъ, принадлежавшимъ къ Нерчинскимъ заводамъ, меня поразила картина, довольно необыкновенная въ это время года, гдѣ морозъ доходитъ до 10ти и болѣе градусовъ: это были дѣти разныхъ возрастовъ, которыя, въ полдень, стояли кучками около избы, безъ всякой одежды — какъ мать родила, и грѣлись на солнцѣ. Зрѣлище такой бѣдности давало понятіе о благосостояніи заводскихъ крестьянъ. Скоро мы прибыли къ мѣсту нашего назначенія — въ Благодатскій рудникъ — и тройки наши остановились у казармы, приготовленной для нашего жилища. Это было строеніе 7ми сажень длины, и 5ти ширины; въ немъ были двѣ избы; первая со входа назначалась для караульныхъ солдатъ, вторая для насъ; въ нашей избѣ, со входа по лѣвую сторону находилась огромная русская печь; на право вдоль всей избы устроены были три чулана, отдѣленные другъ отъ друга досчатыми перегородками; къ противоположной стѣнѣ отъ двери устроена была третья комната, наскоро сколоченная изъ досокъ. Къ тремъ первымъ чуланамъ вели двѣ ступени, и у каждого чулана навѣшана дверь. Размѣръ первыхъ двухъ чулановъ былъ: съ правой стороны — 3 аршина съ небольшимъ длины, и аршина два ширины. Размѣръ послѣдняго чулана; длина таже, но ширина аршина четыре. Скоро мы размѣстились. Давыдовъ и Якубовичъ заняли каждый по особому чулану, Трубецкой, Волконской и я помѣстились вмѣстѣ въ третьемъ чуланѣ. Трубецкой имѣлъ свою досчатую кровать въ длину; моя кровать устроена была такъ, что половина моего туловища находилась подъ кроватью Трубецкаго, а другая примыкала къ двери; Волконскій занялъ противоположную сторону, противъ Трубецкаго. Муравьевъ и двое Борисовыхъ помѣстились подобнымъ образомъ въ своей досчатой комнатѣ. Карауль нашъ состоялъ изъ

горнаго унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ, которые безсѣнно сторожили насъ, во все время нашего пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ. Караулъ былъ внутренній; тѣ же караульные готовили намъ кушанье — ставили самоваръ, служили намъ, и скоро полюбили насъ, и были намъ полезнѣйшими помощниками. Насъ принялъ Управляющій рудникомъ, горный офицеръ, котораго фамилію я запомнилъ.

Намъ дали отдохнуть дня три: отобрали бывшія при насъ деньги, и распорядились такимъ образомъ, чтобы мы изъ выдаваемыхъ намъ денегъ могли закупать всю нужную намъ провизію, а въ издержанныхъ деньгахъ отдавали-бы отчетъ. Денегъ оказалось весьма мало: всякій отдавалъ изъ своихъ денегъ, что хотѣлъ и никто не требовалъ большаго противъ того, что было нами показано. Въ теченіи этихъ трехъ дней, пріѣхалъ и начальникъ Нерчинскихъ Заводовъ — Бергъ-Гауптманъ Тимофей Степановичъ Бурнашевъ — взглянуть на насъ; на словахъ онъ былъ довольно грубъ, но въ его распоряженіяхъ видно было желаніе облегчить наше положеніе, не обременя насъ излишнею тягостію. Скоро настало время начала нашихъ работъ; наканунѣ намъ было объявлено, чтобы мы приготовились съ раннимъ утромъ къ предстоявшему труду; на другой день въ 5ть часовъ пришли къ нашимъ казармамъ штегеръ съ рабочими, назначенными намъ въ товарищи; — началась перекличка: Трубецкой? отвѣтъ: я; Ефимъ Васильевъ? и Трубецкой пошелъ съ Ефимомъ Васильевымъ. Оболенскій? я; Николай Бѣловъ? и двое мы пошли тѣмъ же путемъ. Такимъ образомъ всѣхъ насъ распредѣлили по разнымъ шахтамъ; дали каждой парѣ по сальной свѣчѣ, мнѣ дали въ руку кирку, товарищу молотъ, и мы спустились въ шахты, и пришли на мѣсто работы. Работа была не тягостна: подъ землею вообще довольно тепло, но когда нужно было со-

грѣться, я бралъ молотъ, и скоро согрѣвался. Въ одиннадцатъ часовъ, звонокъ возвѣщалъ окончаніе работы, и мы возвращались въ свою казарму; тогда начинались приготовления къ обѣду. Артельщикомъ былъ нами выбранъ Якубовичъ, какъ самый опытный по военнокухонной части. Вообще мы пользовались полной свободой внутри нашей казармы; двери были открыты; мы обѣдали, пили чай, и ужинали вмѣстѣ. Большое утѣшеніе для насъ было то, что мы были вмѣстѣ; тотъ же кругъ, въ которомъ мы привыкли, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, мѣняться мыслями и чувствами, перенесенъ былъ изъ Петербургскихъ палатъ въ нашу убогую казарму; все болѣе и болѣе мы сближались, и общее горе скрѣпило еще болѣе узы дружбы, насъ соединявшей. Одна неизвѣстность о томъ, увѣнчается ли полнымъ успѣхомъ твердое намѣреніе княгини Трубецкой и Волконской соединиться съ мужьями, волновала насъ въ первыя недѣли послѣ нашего приѣзда. Но вскорѣ и это недоумѣніе разрѣшилось; обѣ прибыли благополучно, и обѣ заняли небольшую избу въ рудникѣ, въ полуверстѣ отъ нашихъ казармъ. Скоро назначено было свиданіе нашимъ дамамъ въ самой казармѣ. Время свиданія могло продлиться часъ. Первая пришла Катерина Ивановна; мы вышли съ Волконскимъ къ сосѣдямъ товарищамъ; свиданіе кончилось смѣною Марьи Николаевны, которая въ томъ же номерѣ бесѣдовала съ мужемъ определенное время. Прибытіе этихъ двухъ высокихъ женщинъ, Русскихъ по сердцу, высокихъ по характеру, благотѣтельно подѣйствовало на насъ всѣхъ; съ ихъ прибытіемъ у насъ составила семья. Общія чувства обратились къ нимъ, и ихъ первою заботою были мы же; своими руками шили онѣ намъ то, что имъ казалось необходимымъ для каждаго изъ насъ; остальное покупалось ими въ лавкахъ; однимъ словомъ то, что сердце женское угадываетъ по инстинкту любви, этого источника

всего высокаго, было ими угадано и исполнено; съ ихъ прибытіемъ и связь наша съ родными, съ близкими сердцу, получила то начало, которое потомъ уже не прекращалось, по ихъ родственной попечительности доставлять и роднымъ нашимъ тѣ извѣстія, которыя могли ихъ утѣшить при совершенной неизвѣстности о нашей участи. Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіи столькихъ лѣтъ, которыя ими посвящены были попеченію о своихъ мужьяхъ — а вмѣстѣ съ ними и объ насъ? Какъ не вспомнить и импровизированныя блюда, которыя приносились намъ въ нашу казарму Благодатскаго рудника — плоды трудовъ княгини Трубецкой и Волконской, въ которыхъ ихъ теоретическое знаніе кухоннаго искусства было подчинено совершенному невѣденію примѣненія теоріи къ практикѣ? Но мы были въ восторгѣ и намъ все казалось такъ вкуснымъ, что едва ли хлѣбъ, недопеченный рукою княгини Трубецкой, не показался бы намъ вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника. Какъ не вспомнить и ежедневныхъ ихъ посѣщеній нашей казармы въ первомъ, или во второмъ часу, въ тѣ дни, въ которые непозволено было имѣть личнаго свиданія съ мужьями? Издали мы видѣли ихъ приближеніе; имъ выносили два стула; — онѣ садились противъ единственнаго окна нашего чулана, — и тутъ проводили часъ и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями? Иногда онѣ приходили вмѣстѣ; иногда каждая назначала себѣ часъ свиданія и приходила отдѣльно. Морозъ доходилъ до 20ти градусовъ: закутанныя въ шубахъ, онѣ сидѣли, доколѣ морозъ не леденилъ ихъ членовъ. Помню какъ однажды, глядя на Катерину Ивановну, я замѣчаю что она прижимаетъ свои ножки, видимо страдая отъ стужи; я сообщилъ свое замѣчаніе Сергѣю Петровичу; онъ посмотрѣлъ на ботинки и увидѣвъ, что она надѣла старыя, уже довольно поношенныя, обѣщался пожурить ее за то,

что она въ такой сильный морозъ не надѣла своихъ новыхъ теплыхъ ботинокъ, а вышла въ старыхъ, истертыхъ. На другой день было свиданіе; — слѣдствіе было произведено и оказалось — что дѣйствительно новыя ботинки существуютъ; но что ихъ нельзя было надѣть, потому что ленты, коими онѣ прикрѣплялись, были отпороты для того, чтобы употребить на шапочку изъ тафты, которую мнѣ сшила княгиня для работы подъ землею, гдѣ шапочка оберегала мою голову отъ руды, коею наполнялись мои волосы при каждомъ сотрясеніи отъ ударовъ молотомъ.

Скоро однакожъ, при ежедневныхъ нашихъ трудахъ подъ землею, послѣдовало распоряженіе, которое вывело насъ изъ обычнаго, спокойнаго нашего положенія, и было причиною сильной тревоги, которая отозвалась въ сердцѣ нашихъ хранительницъ. Къ намъ назначили особаго горнаго офицера, молодаго *Рикъ*, вѣроятно для ближайшаго надзора за нами; мы не предвидѣли никакого измѣненія въ нашемъ положеніи; но по окончаніи обѣда, или вечерняго чаю, получаемъ приказаніе отъ Г. Рика, итти въ наши чуланы, съ тѣмъ, чтобы во все время, кромѣ работъ, быть тамъ запертыми, и не смѣть оттуда выходить, ни для обѣда ни для ужина; и то и другое, равно какъ и чай, мы должны были получать отъ сторожей, которые должны были разносить намъ пищу по нашимъ чуланамъ. Мы показали Г. Рикъ наши чуланы; сказали ему, что невозможно будетъ намъ вынести душнаго и злокачественнаго воздуха, если мы будемъ заперты въ продолженіи 18ти часовъ; что никакое здоровье не можетъ выдержать этаго неестественнаго положенія. Никакія убѣжденія не могли подѣйствовать на Г. Рика. Онъ подумалъ, что наши слова означаютъ нашу рѣшимость не повиноваться его распоряженію и закричалъ солдатамъ: „гоните ихъ!“ И дѣйствительно солдаты

были готовы къ исполненію приказанія; но они знали насъ, и потому мы взошли въ свои казематы, безпрекословно повинуваясь отданному приказанію, а солдаты молча смотрѣли на насъ. Когда Г. Рикъ удалился, мы начали разсуждать между собою, на что слѣдуетъ рѣшиться. То что мы говорили Г. Рикъ, было полнымъ нашимъ убѣжденіемъ; намъ казалось, и дѣйствительно было невозможно, выдержать злокачественность воздуха въ томъ маломъ пространствѣ, въ которомъ мы находились, гдѣ другаго положенія мы не могли имѣть, кромѣ сидячаго или лежачаго. Трубецкой, когда вставалъ, долженъ былъ нагнуться, потому что головой онъ касался потолка. Долго разсуждая, не знаю кому изъ насъ пришла мысль, не принимать пищи до тѣхъ поръ, пока условія нашего заключенія не измѣнятся. Единогласно рѣшено было привести это предложеніе въ исполненіе; съ того же вечера мы отказались отъ предложеннаго ужина; на другой день вышли на работу ненапившись чаю; возвратившись отказались отъ обѣда, и такимъ образомъ провели первыя сутки безъ пищи, — и не принимали даже воды, которую намъ предлагали. На другія сутки повторилось тоже самое. Непомню въ этотъ ли второй, или на третій день нашего добровольнаго поста, насъ на работу не вызывали; но объявили что ожидаютъ начальника, Г. Бурнашева. Мы приготовились къ бурной встрѣчѣ; часу въ двѣнадцатомъ, видимъ ефрейтора и двухъ рядовыхъ съ примкнутыми штыками, которые подходятъ къ нашимъ казармамъ; вызвали Трубецкаго и Волконскаго; мы простились, не зная, что будетъ съ ними; неизвѣстность будущаго невольно тревожила насъ. Сижу у окошка — это было кажется въ Генварѣ — морозъ сильный; вижу на дорогѣ стоятъ княгиня Трубецкая и Волконская; обѣ ожидали мужей, которые должны были пройти мимо ихъ. Но голосъ ихъ едва доходилъ до слуха мужей; это было

видно потому, что и та и другая умоляющими жестами дополняли то, чего выговорить немогли. Со страхомъ и трепетомъ ждали мы возвращенія товарищей; видимъ, ихъ ведутъ обратно; я перекрестился; настала наша очередь съ Якубовичемъ; изъ словъ Трубецкаго мы могли только понять, что Тимофей Степановичъ былъ грозенъ; мы возшли; не стану говорить о грубости его выражений, оно было естественно въ немъ; его угрозы плетей, кнута и прочаго составляли часть его монолога; его обвиненіе: что мы затѣяли бунтъ и что бунтовать онъ намъ не позволить. Нашъ отвѣтъ былъ весьма кратокъ и простъ: что если онъ называетъ бунтомъ непринятіе нами пищи, то пусть вспомнить, что во все время нашего пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ, мы ни разу ни въ чемъ не преступали тѣхъ приказаній, которыя намъ были даны; что мы были совершенно довольны его распоряженіями, до того времени, какъ Г. Рикъ стѣснилъ одну единственную, невинную свободу, коей мы пользовались, и что не естественно желать пищи, находясь въ томъ тѣсномъ пространствѣ, въ какомъ мы помѣщались. Насъ отпустили немного смягченнымъ голосомъ, но никакой надежды на измѣненіе не подавали. Послѣ насъ пошли, тѣмъ же порядкомъ, и прочіе товарищи. Слышали тоже самое; говорили тоже и возвратились также. Къ обѣду, наши чуланы были отперты и все пошло прежнимъ порядкомъ. Невольною, горячею молитвою почтилъ я окончаніе этого эпизода нашей Нерчинской жизни. Въ нашей рѣшимости разсужденія не было; инстинктивно предложеніе сдѣлано, принято также и приведено въ исполненіе. Но успѣхъ увѣнчалъ наше желаніе освободиться отъ положенія тягостнаго, котораго мы, можетъ быть, не вынесли-бы

Наши работы продолжались тѣмъ же порядкомъ, и единственное измѣненіе, которое произошло въ порядкѣ

нашихъ дней, состояло въ томъ, что мужья получили дозволеніе имѣть свиданіе съ женами въ ихъ квартирѣ, куда ихъ провожалъ конвойный, который становился на часы во все время свиданія. Это измѣненіе весьма было пріятно для нашихъ дамъ. Настала весна, и мы получили позволеніе дѣлать прогулки при конвоѣ, въ свободные дни отъ работъ, по богатымъ лугамъ, орошаемымъ Аргунью. Сначала мы удалялись не болѣе двухъ или трехъ верстъ отъ нашей казармы; но постепенно приобретаая все болѣе и болѣе смѣлости, мы наконецъ доходили до самой Аргуни, которая была отъ насъ въ разстояніи девяти верстъ. Богатая флора этаго края обратила на себя общее наше вниманіе, и возбудила удивленіе къ красотамъ сибирской природы, такъ щедро разсыпаннымъ и такъ мало еще извѣстнымъ въ то время. Два брата Борисовыхъ, любители естественныхъ наукъ, наиболѣе занимались какъ собираніемъ цвѣтовъ, такъ и зоологическими изысканіями; они набрали множество букашекъ разныхъ породъ, красоты необыкновенной; хранили и берегли ихъ, и въ послѣдствіи составили довольно порядочную коллекцію насекомыхъ, которая была предметомъ любопытства любителей естественныхъ наукъ. Вскорѣ однакожь произошла перемѣна въ работѣ намъ назначенной; но эта перемѣна, вмѣсто облегченія, увеличила бремя тягости, на насъ лежавшей. Пріѣхалъ чиновникъ изъ Иркутска, узнать лично отъ cadaго изъ насъ, не разстроено ли наше здоровье работою подъ землею, и не предпочтемъ ли мы работу на чистомъ воздухѣ? мы единогласно утверждали, что работа подъ землею намъ вовсе не тягостна, и что мы ее предпочитаемъ работѣ на чистомъ воздухѣ, потому что въ послѣдней мы были бы подвержены всѣмъ перемѣнамъ въ воздухѣ, т. е. дождю, и проч., и что здоровье наше ничѣмъ не пострадало отъ подземнаго воздуха. Наши представленія не были уважены, и на другій же день, мы были

высланы на новую работу, намъ назначенную; часть причинъ, по которой мы предпочитали подземную работу, нами немогла быть высказана; но мы понимали, что тягость на насъ лежавшая увеличится. Въ подземной работѣ намъ небыло назначено урочнаго труда; мы работали сколько хотѣли, и отдыхали также; сверхъ того, работа оканчивалась въ одиннадцать часовъ дня; въ остальное время, мы пользовались полной свободой. Но какъ объяснить и то сочувствіе, которое мы находили подъ землею, въ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые не вдали отъ насъ заняты были одинаковою съ нами работою, но коихъ труды были втрое тягостнѣе? Они были въ ножныхъ цѣпяхъ, и на нихъ лежали всѣ тягости подземнаго рудокопства. Они проводили шахты въ мѣстахъ новыхъ розысковъ; устраивали галлерей, которыя должны были поддерживаться столбами и соединенными арками; какъ люди способные, они употреблялись и въ плотничную работу, и хорошо, и плотно устраивали подземные ходы; они же выкачивали воду, которая накапливалась отъ времени до времени въ мѣстахъ назначенныхъ для розысковъ; они же относили руду, ими и нами добытую, къ колодцу, откуда она подымалась вверхъ и относилась въ назначенное мѣсто. Встрѣчаясь съ нами, эти люди, закаленные по видимому въ преступленіяхъ, показывали намъ нѣмое, но весьма явственное сочувствіе. Не разъ случалось, когда я выходилъ изъ подъ земли на чистый воздухъ, подышать имъ на нѣкоторое время, едва завидитъ меня одинъ изъ нихъ, Орловъ — знаменитый разбойникъ, красивый, плотный, плечистый, который силою былъ истинный богатырь, какъ дастъ знакъ своимъ товарищамъ и тутъ же начнетъ онъ своимъ звучнымъ, серебристымъ голосомъ заунывную русскую пѣсню, которая чѣмъ то роднымъ, близкимъ, отзывалась сердцу знакомыми звуками. Не случайно запѣвалъ онъ пѣсню,

нѣтъ; онъ ею высказывалъ то, чего немогъ выговорить словомъ. Не со мною однимъ, но и съ товарищами многіе изъ нихъ дѣлали тоже, и не разъ въ порывѣ усердія брали наши молоты, и въ десять минутъ оканчивали работу, которую мы и въ часъ не могли бы исполнить. Все это дѣлалось безъ надежды возмездія. За нами надзирали, а мы могли только въ короткихъ словахъ выразить, что мы ихъ понимаемъ и оцѣняемъ ихъ усердіе. Но конецъ подземной работѣ былъ положенъ, и мы вышли на новый трудъ, намъ назначенный. Работа была урочная; — рудоразборщики, обыкновенно подростки горныхъ служителей, разбивали руду и отдѣляли годную къ плавкѣ отъ негодной; мы немогли заняться этимъ трудомъ, который требовалъ большаго навыка въ умѣніи различать и сортировать руду по ея бѣльшей или меньшей годности. И такъ намъ дали, каждой парѣ, по носилкамъ, и урочная наша работа состояла въ томъ, что мы должны были перенести 30 носилокъ, по пяти пудовъ въ каждой, съ мѣста рудо-разбора, въ другое, общее складочное мѣсто. Переходъ былъ шаговъ въ двѣсти. Началась работа; не всѣ могли исполнять урокъ; тѣ которые были посильнѣе, замѣняли товарищей, и такимъ образомъ урокъ исполнялся; въ одиннадцать часовъ звонокъ возвѣщалъ конецъ труда, но въ часъ, другой звонокъ вновь призывалъ на тотъ же трудъ, который оканчивался въ пять или шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ, по новому распоряженію, и время труда, и тягость его увеличена почти вдвое: наши прогулки къ Аргуни менѣе были заманчивы; мы рады были отдыху въ тѣ дни, когда позволено было отдыхать. Но при всемъ томъ наше положеніе было довольно сносное, и тягость работы замѣнялась свободою, которою мы пользовались внутри нашей казармы, и утѣшеніями отъ нашихъ попечительницъ, которыя не разъ бывали свидѣтельницами нашихъ трудовъ и дружеской бесѣдой облегчали

ея тяжесть. — Но скоро и это положеніе должно было измѣниться. Не помню въ Іюлѣ, или въ началѣ Августа насъ извѣстили, что вновь назначенный комендантъ Лепарскій пріѣхалъ въ Нерчинскіе заводы, и на другой день будетъ насъ осматривать. — Многіе изъ товарищей лично были съ нимъ знакомы — командуя Сѣверскимъ конноегерскимъ полкомъ, онъ былъ извѣстенъ какъ кроткій, снисходительный начальникъ, и вообще былъ любимъ и сослуживцами и подчиненными. Мы съ удовольствіемъ ожидали его прибытія. Дѣйствительно, на другій день онъ прибылъ къ намъ, въ сопровожденіи Г. Бурнашева; былъ ласковъ и учтивъ со всѣми, и разставаясь съ нами, оставилъ намъ надежду на улучшеніе нашего положенія. — Ожиданія не сбылись: въ тотъ же день насъ повели въ ближайшую кузницу, и тамъ заковали насъ въ ножныя цѣпи. — Въ тоже время отрядили къ намъ особый военный караулъ, изъ двѣнадцати казаковъ, при унтеръ-офицерѣ, и новый порядокъ устроился въ надзорѣ за нами. — Горный чиновникъ и горный начальникъ боялись оказывать намъ снисхожденіе, о которомъ могли довести до свѣденія коменданта; казаки, бывшіе при насъ боялись такого же доноса отъ горнаго начальства. Такимъ образомъ обѣ власти, наблюдая одна за другою, были въ равныхъ отношеніяхъ къ намъ. Впрочемъ выборъ казаковъ былъ такъ хорошо сдѣланъ, что мы немогли довольно налюбоваться этимъ молодымъ, славнымъ поколѣніемъ. — Всѣ они были люди грамотные; большая часть кончили курсъ уѣзднаго училища, и удивляли насъ и разнородными познаніями и развитіемъ умственнымъ, которое трудно было ожидать въ такомъ дальнемъ краю, о коемъ весьма рѣдко носились слухи, и то какъ о мѣстѣ дикомъ, гдѣ и люди и природа находятся въ первоначальной своей грубости. Здѣсь мы увидѣли совершенно-

противное. Наши казаки скоро полюбили насъ — и ихъ жажда знанія, которое они хотѣли почерпнуть изъ бесѣды съ нами, насъ радовала и удивляла. Нѣкоторые изъ нихъ достигли въ послѣдствіи офицерскихъ чиновъ, и вообще отличались добрымъ поведеніемъ. Впрочемъ, кромѣ тяжестей нашихъ цѣпей, все осталось въ прежнемъ порядкѣ; работы были тѣже; но прогулка въ свободные дни прекратилась, и трудно было бы имѣть желаніе прогулки при ножныхъ нашихъ украшеніяхъ. Незамѣтно проходили такимъ образомъ дни и недѣли. Наши хранительницы не переставали насъ утѣшать, и бесѣдами, и постояннымъ вниманіемъ, и тою чистою дружбою, которая на все, къ чему коснется, налагаетъ свою печать — и освящаетъ все. Въ теченіи этого времени, новый острогъ, который былъ построенъ въ Читѣ, наполнялся товарищами, которые привозимы были туда изъ разныхъ крѣпостей, въ коихъ они временно содержались. Скоро и до насъ дошла очередь присоединиться къ нимъ. Не помню, въ Октябрѣ, или въ Ноябрѣ, вновь сѣли мы въ приготовленныя повозки. Наши казаки сопровождали насъ и вновь помчали насъ по прежнему нерчинскому тракту. — Скоро и Читинскій острогъ показался вдали: все ближе и ближе разсматривали мы наше будущее помѣщеніе. Высокій тынъ окружалъ его; мы остановились у воротъ; насъ принялъ плацъ - маіоръ, Осипъ Адамовичъ Лепарскій, — часовые дали свободный путь, мы бросились въ объятія друзей: Пушинъ, Нарышкинъ, Фонъ-Визинъ — были тутъ. Насъ распредѣлили по четыремъ комнатамъ, въ которыхъ помѣщались прочіе товарищи; шумъ отъ цѣпей заглушалъ всякую рѣчь: наконецъ свыклись мы и съ этимъ шумомъ....

Распросамъ, бесѣдамъ, не было конца въ первые дни нашего прибытія. Постепенное сближеніе по одинакому

направленію мыслей и чувствъ — тѣснѣе сблизило нѣкоторыхъ. Общее чувство расположенія ко всѣмъ не измѣнилось; но оттѣнки этого чувства въ личныхъ сношеніяхъ, невольно сближая однихъ, тѣснѣе связывали ихъ между собою. Эти отношенія сохранились и въ послѣдствіи, и неизмѣнно сохраняются и нынѣ тѣми, у коихъ не изглаживается дружба, основанная на полномъ обоюдномъ довѣріи; на духѣ, руководящемъ тѣхъ, поступки коихъ составляютъ только отраженіе того вѣчнаго источника любви, коимъ они одарены щедрою рукою Того — кто есть Высшая и Совершеннѣйшая Любовь.

Заключаю мой рассказъ полнымъ благодарнымъ воспоминаніемъ тринадцати лѣтъ, проведенныхъ мною, въ тѣсномъ пространствѣ, съ товарищами заключенія, — сначала въ Читинскомъ острогѣ, потомъ на Петровскомъ заводѣ.

Политическій характеръ Союза Благоденствія пріятъ конецъ; но нравственная печать, имъ наложенная на каждого изъ членовъ его, сохранилась неизмѣнно и утвердила основаніе того взаимнаго уваженія, того нравственного чувства, коимъ всѣ одушевлялись во взаимныхъ и близкихъ отношеніяхъ между собою. Взаимное уваженіе было основано не на свѣтскихъ приличіяхъ, и не на привычкѣ пріобрѣтенной свѣтскимъ образованіемъ; но на стремленіи каждого ко всему, что носитъ печать истины и правды. Юноши, бывшіе тутъ, возмужали подъ вліяніемъ этого общаго нравственного направленія, и сохранили въ послѣдствіи тотъ же самый, неизмѣнный характеръ. Разсѣянные по всѣмъ краямъ Сибири, каждый сохранилъ свое личное достоинство, и пріобрѣлъ уваженіе тѣхъ, съ коими онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Немогу иначе окончить этихъ строкъ, какъ благодарственною молитвою

единому Промыслителю о насъ — Единому доброму
Сѣятелю всѣхъ добрыхъ сѣмянъ — Единому винов-
нику всякаго добра. Ему Единому да будутъ слава
и благодареніе!

7 Мая 1856, городъ Ялutorовскъ.

Евгеній Оболенскій.

Лейпцигъ, Leipzig,
въ типографіи Бера и Германна. Druck von Bär & Hermann.

Ouvrages français traitant de la Russie:

BIBLIOTHÈQUE RUSSE ET POLONAISE.

- Vol. I. II. **Auguste Baron de Meyerberg.** Relation d'un voyage en Moscovie. 2 vol. format Élzévir, br. 6. —
Vol. III. Voyage en Pologne sous le règne de Jean Sobieski. 3. —
Vol. IV. Journal du voyage du Boyard Chérémetteff à Cracovie, Venise, Rome et Malte. 3. 50
Vol. V. **Boussingault,** le Théâtre de la Moscovie. — De la Ville, discours sommaire. 2. 50
Vol. VI. Histoire d'Ivan III. 2. 50
Vol. VII. **Chevalier,** Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne. 3. —
Vol. VIII. **Korb, J. G.** Récit de la sanglante révolte des Strélitz en Moscovie. 2. —
Vol. IX à XII. Mémoires de la Princesse **Daschkoff,** 4 vol. 12. —

BIBLIOTHÈQUE RUSSE. — Nouvelle Série.

- Vol. I. II. **Manstein,** Mémoires sur la Russie. 2 vols. 8. —
Vol. III. La religion des Moscovites en 1825 par **Jean Faber.** — Une ambassade russe à la cour de Louis XIV. 2. 50
Vol. IV. V. **Dolgoroukow, Prince P.,** La vérité sur la Russie. 2. Edition augmentée. 2 vols. 6. —

BIBLIOTHÈQUE POLONAISE. Nouvelle Série.

- Vol. I. **Gordon, J.** Mes Prisons en Russie. Mémoires.

Le Raskol. Essai historique et critique sur les sectes religieuses en Russie, in-8°, br. 6. —

De l'Étang, A. La Russie et la France: Souvenirs et enseignements. Grand in-8°. 4. —

Fleischmann, Ch. L. Les États-Unis et la Russie considérés au point de vue de la grande culture et du travail libre; in-8°. broché. 2. —

Socialisme, le, en Russie. Étude contemporaine. 4. —

Tourgueneff, N. Un dernier mot sur l'émancipation des serfs en Russie. 3. —

Haxthausen, A. de. De l'abolition par voie législative du partage égal et temporaire des terres dans les communes russes, in-8°. br. — 75

Zapasnik, A., Etudes financières sur l'Emancipation des Paysans en Russie, in-8°. br. 4. —

~~~~~

БУДУЩНОСТЬ,

журналъ въ направленіи монархическомъ - конституціонномъ, выходитъ въ Лейпцигѣ, въ типографіи Бера и Германна. Письма и статьи для помѣщенія въ Будущности просятъ доставлять въ книжный магазинъ А. Франка, въ Парижѣ, на улицѣ Ришелье, въ домъ подѣ No. 67.

ПРАВДА О РОССИИ

ВЫСКАЗАННАЯ

КНЯЗЕМЪ ПЕТРОМЪ ДОЛГОРУКОВЫМЪ.

ДВѢ ЧАСТИ.

(Prince Dolgoroukow, la Vérité sur la Russie. 2 Vols. in-16. br. 10 Frs.)

FRÉDÉRIC II, CATHERINE,

ET

LE PARTAGE DE LA POLOGNE

D'APRÈS DES DOCUMENTS AUTHENTIQUES

PAR

FRÉDÉRIC DE SMITT.

Gr. 8. broch. 8 Frs.

Obolenskij, Evgenij Petrovič

Wospominanija Knjasja Ewgenija Petrowicha Obolenskogo

Leipzig 1861

Russ. 143 c-4,1/5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783397-3